

За время, прожитое на земле, всегда найдутся дела, которые необходимо сделать, какими бы опасными и трудными они ни казались...

Но что он мог сделать?

В кронах деревьев шелестел утренний летний ветер, а россыпь солнечных лучей, отражаясь от блестящих листьев, колыхалась то в одну, то в другую сторону над Дуань Лином.

Если спросить его, что он хотел сделать прямо сейчас, то все, о чем желал Дуань Лин, — это узнать, где был похоронен Ли Цзяньхун, чтобы поговорить с отцом.

Он сидел, уставившись в пустоту, и думал о яде, который Лан Цзюнься добавил в его еду. Снова и снова он сталкивался с неминуемой смертью, но в каждом случае выживал; переживая одну смерть за другой, он никогда не умирал по-настоящему, так мог ли он снова попытаться совершить самоубийство?

Стоило ли ему покинуть Сычуань и отправиться в дальние странствия, скрыть свое имя под псевдонимом и стать тем, кого никто не знает? Но какой в этом смысл? Он никогда не забудет всего этого. Возможно, он никогда не смирится со всем, даже до самой смерти.

А если он не уедет, что ему делать? Остаться здесь?

Как погиб Ли Цзяньхун? Где он пожертвовал собой?

Весь день Дуань Лин сидел и размышлял, и постепенно пришел к решению. Он не мог вот так просто умереть или уйти: ему еще многое предстоит сделать. И хотя сделать это для него не менее сложно, чем переместить горы и заполнить моря, у него больше не было отца, который бы защитил и все распланировал за него, — он мог рассчитывать только на себя.

Придется действовать наобум. Дуань Лин сказал себе, что если он когда-нибудь дойдет до того, что не сможет больше держаться, то это может стать своего рода освобождением.

Когда У Ду вернулся, он бросил Дуань Лину два куска вареной говядины, словно кормил собаку. Тот поймал их и, мельком взглянув на них, начал есть. У Ду окинул взглядом комнату и, довольный ее состоянием, сел перед столом и снова стал читать свою «Книгу медицины».

— Ты умеешь читать? — спросил У Ду.

Дуань Лин кивнул. Не поднимая вопроса о том, что произошло прошлой ночью, У Ду протянул ему рецепт.

— Взвесь это должным образом.

Дуань Лин понял, что это формула яда, и не догадывался, для кого она предназначена. Он взвесил и отложил каждый ингредиент; за время пребывания в Лояне он уже давно привык это делать. Но формула У Ду была весьма своеобразной — в ней были смешаны ингредиенты «холода» и «жара», а еще в ней было много мелких, скрытых ядов*.

* Холод и жар — термины из традиционной китайской медицины. Обычно пытаются сбить тепло холодом (в организме пациента) или наоборот, поэтому нечасто можно встретить в одном рецепте ингредиенты и для тепла, и для холода.

— Для чего это?

У Ду остановился и бросил взгляд на Дуань Лина. Тот понял, что ему не следовало спрашивать.

— Если ты задашь еще один вопрос, то, когда все будет готово, я сначала опробую его на тебе.

Дуань Лин ничего не ответил, и У Ду осознал, этот парень даже не боялся умереть, так что ему, разумеется, было все равно. Он вздохнул, чувствуя, что в конце концов ничего не сможет с ним поделаться.

Взвесив все ингредиенты, Дуань Лин измельчил их в порошок, смешал с медом и сделал пилюли, которые затем застыли под воздействием тепла. Он предположил, что это скрытый яд; принявший его может даже не заметить, что отравлен, но ему придется периодически принимать противоядие, иначе яд подействует и убьет его.

— Может быть, ты думаешь, что раз ты даже не боишься умереть, то я, разумеется, тебя не отравлю?

У Ду бросил на Дуань Лина случайный взгляд и добавил:

— У меня есть множество способов заставить тебя желать смерти.

Губы Дуань Лина вздрогнули — он хотел сказать, что он так не думает, но легкий наклон рта вверх, казалось, привел У Ду в ярость. Он отложил кисть в сторону и схватил Дуань Лина за лацкан. Его голос был холоден.

— Чего ты смеешься? Над чем ты смеешься?

В глазах Дуань Лина появился страх, и у У Ду вдруг возникло ощущение, что он уже где-то видел этот взгляд, но не мог вспомнить, где именно.

К счастью, в большинстве случаев У Ду только с виду казался злым, а внутри был мягким, и ему ничего не осталось, кроме как сделать Дуань Лину несколько угрожающих замечаний,

после чего он снова отпустил его и приказал приступать к работе. Пока Дуань Лин не провоцировал его, У Ду не собирался доставлять ему неудобства за неимением другого занятия.

Целый день Дуань Лин размышлял о том, что ему делать дальше. Он вспомнил разговор между У Ду и стариком по имени Хэ, в котором они упомянули о «наследном принце», это значит, что после смерти отца у Великой Чэнь появился наследник. Маловероятно, что этот наследный принц был его братом, и когда Дуань Лин связал эту догадку с отравлением Лан Цзюнься... у него вдруг возникла теория, и от нее по позвоночнику пробежал холодок...

Может ли быть так, что Лан Цзюнься нашел кого-то, кто выдал себя за Дуань Лина после смерти отца? Знает ли об этом Му Куанда? Если Му Куанда в сговоре с Лан Цзюнься, то Дуань Лин не должен допустить, чтобы Лан Цзюнься узнал, что он находится в поместье канцлера. Но если Му Куанда знает об этом, то почему Лан Цзюнься не передал Дуань Лина канцлеру, когда тот пришел за ним, а предпочел отравить его и избавиться от тела?

На этом основании Дуань Лин выдвинул крайне смелое предположение. И хотя оно казалось совершенно безумным, на самом деле оно было недалеким от истины: Лан Цзюнься сумел обмануть всех и вернуть подставного наследного принца, а Му Куанда даже не подозревал о существовании Дуань Лина. Отсюда он сделал вывод, что после смерти отца Му Куанда полагал, что имеет полную власть над императорским двором и может управлять государством, пока контролирует четвертого дядю, но, к его удивлению, внезапное появление наследного принца привело игровую доску в замешательство. Так для кого же именно был приготовлен этот яд?

В голове Дуань Лина за несколько мгновений пронеслось множество вариантов — если правда такова, как он предположил, то шансы на выживание будут весьма высоки. Ведь даже если он останется в Сычуани, если Лан Цзюнься узнает, что он не умер, он не рискнет нагло врваться в поместье канцлера, чтобы совершить убийство.

Оставаться на стороне У Ду — самый безопасный вариант, и теперь ему нужно подтвердить свои догадки, прежде чем принимать решение о дальнейших действиях.

Как только Дуань Лин вновь обрел ясную голову, его ум быстро заработал, и он перебирал в голове множество версий, пока растирал ингредиенты в порошок. Он даже рассмотрел возможность того, что наследный принц мог быть настоящим. Допустим, его отец влюбился в кого-то после возвращения к императорскому двору и оставил после себя посмертного наследника, это возможно... нет, не совсем так. Если отбросить моральный облик отца, то даже если наследный принц и существовал, он все равно должен был быть крошечным младенцем, так что не было бы необходимости поднимать такой шум и отравлять его. К тому же этот яд явно предназначался для взрослого.

Пока он размышлял обо всем этом, у ворот появился молодой человек.

— У Ду!

Увидев Дуань Лина, юноша удивленно посмотрел на него и бросил еще несколько любопытных взглядов.

Заметив тонкие, красивые черты лица молодого человека и его высококлассную одежду, Дуань Лин пришел к выводу, что это, скорее всего, кто-то важный. Молодого слуги с ним не было, так что, вероятно, он пришел о чем-то попросить.

У Ду вышел на улицу и сказал юноше:

— Молодой господин Му.

Этот парень был сыном Му Куанды, Му Цином; он оглядел Дуань Лина, а затем высокомерно обратился к У Ду:

— Я бы хотел, чтобы ты заполнил этот рецепт.

— Без приказа канцлера я не могу выписать вам рецепт. Если вы хотите использовать какой-либо яд, вам понадобится письменное разрешение от канцлера или его устный приказ.

Му Цин протянул рецепт, но У Ду просто не взял его. Он недовольно нахмурился.

— Ты действительно не хочешь его заполнять?

У Ду ничего не говорил, спокойно стоя перед галереей. Не обращая внимания на то, куда он упадет, Му Цин бросил лист бумаги. Рецепт летел то в одну, то в другую сторону, пока не приземлился на землю.

— Подумай над этим. Я даю тебе три дня.

Му Цин не стал дожидаться ответа У Ду, развернулся и ушел.

У Ду был так зол, что его трясло. Прошло мгновение, и он нагнулся, чтобы поднять рецепт и бросить его на стол.

Тем временем Дуань Лин закаливал пилюли на огне и, вытерев руки, подошел взглянуть на рецепт. Сначала он недоумевал, что же это за рецепт, который нельзя было просто заполнить в любой аптеке, но оказалось, что это был афродизиак повышенной силы.

— Ты заполнишь его? — спросил Дуань Лин.

У Ду откинулся на спинку кушетки и взял заварочный чайник, чтобы налить чашку чая. Он

холодно процедил:

— Завари.

Дуань Лин убрал рецепт в ящик, а когда закончил приготовление пилюль, У Ду бросил ему деревянную коробочку. Дуань Лин отделил и упаковал пилюли, как положено, и вышел из комнаты.

На горизонте вспыхнула молния. Ночью начался дождь, и крыша в доме во дворе тоже протекала.

В середине ужина пришел слуга и сообщил У Ду, что его хочет видеть канцлер, и тому пришлось отложить палочки, чтобы пойти к Му Куанде. Он вернулся мокрый, как крыса-утопленница, и снова ушел, как только взял в руки деревянный короб.

Дуань Лин поставил несколько тазиков, чтобы набирать воду по всей комнате У Ду; капли в горшках звенели и бились, создавая настоящий переполох. Раздавались раскаты грома, и Дуань Лин свернулся калачиком в дровяном сарае. Через некоторое время У Ду распахнул дверь.

— Я звал тебя. Ты меня не слышал?!

У Ду был голым по пояс, а его крепкие плечи и спина были покрыты слоем воды; все, что на нем было надето, — тонкие белые штаны, промокшие насквозь и прилипшие к бедрам, приняв оттенок кожи.

— Что? — недоуменно спросил Дуань Лин.

— Я же сказал, чтобы ты шел сюда! — яростно произнес У Ду.

Дуань Лин полубегом последовал за ним внутрь, и У Ду сказал ему:

— Просуши одежду и книги у огня.

Дуань Лин развесил вещи у печки, вытирая водяные подтеки, и просушил у пламени сапоги. Несколько книг лежали у стены, и по ним тоже стекала вода. Дуань Лин отодвинул книжную полку немного от стены и открыл книги, аккуратно расправляя страницы, чтобы они высохли.

— Спи вон там.

У Ду указал на угол, чтобы дать Дуань Лину понять, что ему не нужно возвращаться спать в

дровяной сарай. Дуань Лин помог ему застелить постель, а затем лег в углу, слушая шум воды, падающей в тазы, и постепенно заснул. Посреди ночи У Ду что-то бросил в него, и он проснулся.

— Потихе, — сказал У Ду, — ты так шумишь, что я не могу уснуть.

Дуань Лин на мгновение растерялся и вдруг понял, что, возможно, разговаривал во сне, и мысль об этом так его напугала, что спина сразу покрылась испариной. Он встал, чтобы вылить накопившуюся в тазах воду.

Дождь продолжался целых три дня; Дуань Лин не мог выйти на улицу, а У Ду целыми днями сидел в своем доме. Он не мог выйти в дождь, и Му Куанда тоже не звал его. Кроме ежедневного двухразового питания, ему практически ничего не оставалось делать. У У Ду никогда не было много денег, а когда Чжао Куй потерпел поражение, все его сбережения были конфискованы императорским двором, и Му Куанда, похоже, не был заинтересован в их возвращении. Все, что у него было, — это небольшое вознаграждение, выданное ему, когда он обязался служить Му Куанде.

Сегодня Дуань Лин увидел, как У Ду пересчитывал деньги: один таэль, два таэля, три таэля, четыре таэля... Если сложить все его серебряные кусочки, то не наберется и десяти таэлей, и Дуань Лин подумал про себя: У Ду такой бедный. Он никогда не зарабатывал, но, поскольку ему уже приходилось сталкиваться с трудностями в Шанцзы, он в какой-то мере понимал важность денег. Один медяк сбивает с толку даже героя, а ведь ему нужно было еще и покупать лекарственные ингредиенты: деньги приходят и уходят, так что остается не так уж много.

Пока У Ду подсчитывал свои сбережения, к нему зашел посетитель, и он схватил серебро и убрал его как следует в кошелек.

— Эту крышу действительно нужно подлатать.

Посетителем оказался Чан Люцзюнь, держащий в руках зонтик. Му Цин тоже стоял под этим зонтом.

— Ты заполнил рецепт? — спросил Му Цин.

— Без приказа канцлера я не могу выписать вам рецепт.

Му Цин развернулся и посмотрел на Чан Люцзюня. Он стоял с Му Цином во дворе, не заходя в дом. И У Ду тоже не выходил на улицу.

Чан Люцзюнь сказал:

— Просто сделай это. К чему все эти правила? Как только ты приготовишь лекарство, мы починим твою крышу.

У Ду смотрел на него молча.

Му Цин произнес:

— Даю тебе еще два дня. Делай, что считаешь нужным. А я уйду.

Дуань Лин наблюдал за У Ду из угла. Чан Люцзюнь и Му Цин уже ушли, и Дуань Лин подошел к столу, чтобы заполнить рецепт для Му Цина.

Как только он открыл ящик, У Ду неожиданно встал. Удивленный, Дуань Лин попытался уйти с дороги, но в суматохе наткнулся на стол и опрокинул его. У Ду подхватил вазу и поднял руку, словно собираясь разбить ее о голову Дуань Лина, но прежде чем ваза попала в него, Дуань Лин уже вскрикнул. В этот момент У Ду перестал двигаться, его рука повисла в воздухе, и долгое время ваза не опускалась.

Дуань Лин крепко зажмурился, но не чувствовал, как над ним раскалывается фарфор, и повернул голову, чтобы посмотреть на У Ду. Тот был настолько недовольным, что едва мог это выдержать, опустил вазу, убедился, что она не упадет, и, по-прежнему держа Дуань Лина за лацкан, потащил его к аптечке.

— Давай. Заполни рецепт. Посмотрим, что в итоге получится.

Дуань Лин просто стоял на месте, и через мгновение У Ду злобно рявкнул на него:

— Сделай это! Если ошибешься, я тебя убью!

Дуань Лин вздрогнул, открыл ящик и, выудив из памяти ингредиенты, поднес их У Ду, чтобы тот посмотрел.

— Только эти, — сказал Дуань Лин, — у тебя все есть.

— Сходи за металлическим напильником и сделай из этого порошок, — ответил У Ду.

Дуань Лин последовал его указаниям и перемолот все в порошок. У Ду подозвал его.

— Подойди сюда.

Дуань Лин почувствовал опасность и отступил, но У Ду сделал шаг вперед, левой рукой разжал

его рот и высыпал туда всю пачку порошка.

Дуань Лин не мог перестать дрожать: его рот был наполнен этим афродизиак, и он знал, что если проглотит его, то это точно убьет его. К счастью, У Ду не пытался усложнить ситуацию, и Дуань Лин побежал прополоскать рот.

Когда он закончил, У Ду уже лег на кровать, чтобы вздремнуть после обеда. Дуань Лин убрал все вещи, стараясь делать это тихо, чтобы не разбудить его, и закрыл заплесневелые книги. Наведя порядок, он нашел «Книгу мудреца-лекаря», в которой было описано множество растений, которых он никогда не видел и о которых никогда не слышал, и начал читать; он читал до тех пор, пока не село солнце и У Ду не встал с постели.

Он открыл ящики и начал лично заполнять рецепт. Один лишь взгляд говорил Дуань Лину, что это был тот же самый афродизиак повышенной силы, который он приготовил ранее, в полдень, и он подумал: «А не делаешь ли ты еще больше работы, опять занимаясь этим лично?»

Наконец У Ду закончил и бросил Дуань Лину небольшой сверток.

— Иди и отнеси это. Ты знаешь, кому это нужно передать.

Дуань Лин не решался выйти, но если он не сделает этого, то наверняка получит взбучку. Одно дело — получить побои, но больше его беспокоило то, что, если он откажется идти, это может вызвать подозрения у У Ду, поэтому он взял сверток и побежал под дождем к Му Цину.

Может быть, ему стоило воспользоваться возможностью покинуть поместье и попытаться собрать какую-нибудь информацию? Если он сделает это в первый же выход, это может насторожить У Ду. Будет ужасно, если тот начнет его подозревать.

Дуань Лин долго стоял под дождем, глядя в конец переулка, но в конце концов не поддался искушению. Угловые ворота между дворовыми домами, ведущие в главное поместье канцлера, были закрыты, и Дуань Лин целую вечность искал проход, прежде чем добрался до черного хода. Привратник намеренно усложнил ему задачу, и Дуань Лина допросили, а затем еще раз дотошно расспросили, прежде чем впустить.

Му Цин находился в галерее и слушал мужчину средних лет, а рядом с ними стоял кувшин со сверчком. Рядом было семь молодых людей, каждый из которых с опаской смотрел на мужчину.

— Разбей его, — сказал мужчина.

Служанка повела Дуань Лина по коридору к ним, и, увидев, что канцлер был в припадке, остановилась, не решаясь подойти. Дуань Лин заметил, какой необычный вид был у этого человека, и с удивлением подумал: это же не Му Куанда, верно?

— Ты меня слушаешь? — снова укорил его мужчина.

Взяв себя в руки, Му Цин подхватил кувшин для сверчков цвета морской волны из лунцюаньского селадона* и с силой бросил его об пол. С лязгом он разбился вдребезги, и Му Куанда добавил:

— Растопчи его сам и убей.

* Разновидность керамики с зеленой глазурью. Знаменитые печи Лунцюань в китайской провинции Чжэцзян начали выпускать оригинальную продукцию еще в начале XI века, унаследовав традиции мастерских Юэ. Производится лунцюаньский селадон и в наши дни. Однако периодом высших достижений для керамики Лунцюань стал XIII век (конец династии Сун — начало Юань). К этому времени в мастерских были сделаны самые выдающиеся открытия, принёсшие селадону из Лунцюань мировую славу.

Му Цин молча смотрел на землю.

Стоя за колонной, Дуань Лин вспомнил своего отца. Если бы он сам играл со сверчками, Ли Цзяньхун не стал бы заставлять его топтаться по ним. Возможно, он даже сам поймал бы одного и поиграл с ним.

Му Цин покраснел, но в итоге все равно затоптал сверчка до смерти.

— Иди в дом и занимайся.

Мужчина средних лет указал в сторону дома, и Му Цин послушно ушел.

Затем он сказал собравшимся молодым людям:

— Если я еще раз увижу, как молодой господин устраивает бои сверчков, не вините меня в том, что случится. Уходите немедленно.

Перепуганные до смерти, юноши в панике ушли.

В этот момент мужчина бросил взгляд в конец коридора. Дуань Лин собирался попытаться избежать его, но его уже заметили.

— Кто это там крадется? — спросил мужчина.

— Господин.

Служанка подошла к нему и поклонилась, и Дуань Лин тоже поклонился, назвав его хозяином. Значит, этот человек все-таки Му Куанда. В данный момент Дуань Лин был одет в халат У Ду, но он ему не очень-то шел: рукава были закатаны, а отвороты завязаны узлом и затянуты на талии. Выглядел он довольно нелепо.

— Кто это? — спросил Му Куанда.

Дуань Лин не решался ответить. Он знал, что будет гораздо правдоподобнее, если служанка объяснит все от его имени. Она ответила за него:

— Господин, это молодой слуга из дома У Ду. Я слышала, он пришел доставить лекарство молодому господину.

— Неси лекарство сюда. Давай посмотрим.

Дуань Лин достал из кармана сверток, и служанка подала его. Му Куанда, разглядывая Дуань Лина, открыл пакет и нахмурился, увидев порошок.

— Господин задал тебе вопрос.

Служанка слегка подтолкнула Дуань Лина. Он заглянул в дом и увидел, что Му Цин стоял перед своим столом, его лицо побледнело, и он смотрел на улицу.

Дуань Лин подумал, это афродизиак повышенной силы, который твой сын попросил сделать У Ду. Посмотрим, не забьешь ли ты его до смерти, но потом ему вдруг пришло в голову, что если он прямо сейчас окажет Му Цину услугу, то, возможно, он сможет использовать его в будущем... И тогда он выдумал ложь.

— Это для сверчков.

Му Куанда вышел из сада и, открыв сверток, высыпал его содержимое в пруд.

— Если ты и дальше не будешь серьезно относиться к учебе, — сказал Му Куанда, вздыхая, — ты действительно станешь позором для семьи Му.

Му Куанда еще раз внимательно осмотрел Дуань Лина.

— А я и не знал, что У Ду взял себе ученика. Какой у тебя острый глаз.

Дуань Лин замолчал, а Му Куанда добавил:

— Если ты действительно хочешь завоевать расположение молодого господина, то проследи, чтобы он читал побольше книг. Не поощряй больше его глупости.

Дуань Лин ответил: «Разумеется», и Му Куанда ушел в мрачном настроении.

Дуань Лин подсознательно потянулся к уголку рта — Му Куанда ничего не заметил. Первое впечатление — самое сильное, подумал он; на самом деле он не так уж походил на Ли Цзяньхуна, по словам его отца — он выглядел в точности как покойная мать. Именно по этой причине он до сих пор находился в безопасности в поместье Му. Единственная часть его лица, которая имела некоторое сходство с отцом, — это губы и уголок рта, но пока он не присмотрится, Му Куанда, скорее всего, не станет связывать представление о наследнике с Дуань Лином, ведь «наследный принц» уже существовал.

— Ты. Иди сюда, — сказал Му Цин Дуань Лину.

— Молодой господин велел тебе идти в дом, вот и иди, — сказала ему служанка.

— Я не с тобой разговариваю, — яростно ответил Му Цин служанке, — почему ты говоришь не по делу?!

Ей осталось только поклониться. Му Цин, очевидно, все еще был взволнован, когда Дуань Лин зашел в дом: сначала ему зачитали лекцию, а потом отец выкинул лекарство, которое так трудно было достать. Он почувствовал себя по-настоящему оскорбленным.

Му Цин открыл ящик и бросил Дуань Лину конверт с деньгами внутри.

— Твоему хозяину на починку крыши.

— Спасибо, молодой господин.

Дуань Лин взял конверт и уже собирался уходить, когда Му Цин сказал:

— Подожди минутку. Ты знаешь, как приготовить это лекарство?

Дуань Лин сдержанно кивнул.

И тогда Му Цин произнес:

— Сделай мне еще один сверток, пока У Ду нет дома, и, если ты хорошо справишься, я дам тебе кое-что за это. Если об этом станет известно, ты прекрасно знаешь, что с тобой будет.

— Разумеется, — спокойно ответил Дуань Лин.

Му Цин снова посмотрел на него исподлобья, и их глаза случайно встретились.

Дуань Лин тут же добавил:

— Я точно не скажу господину, и У Ду тоже не скажу. Не волнуйтесь, молодой господин.

Му Цин подумал: ну, этот парень знает, что для него хорошо, и отмахнулся от него.

— Тогда иди.

Когда он вернулся, Дуань Лин сохранял спокойное выражение лица, отдавая деньги У Ду. В конверте было два серебряных таэля. У Ду ничего не сказал, просто взял серебро и сел за дверь, чтобы посмотреть на дождь. В доме Дуань Лин размышлял о том, что произошло с Му. Молодые люди обычно не умеют держать язык за зубами, поэтому, если ему удастся получить выход на Му Цина, он сможет выудить из него много важной информации. Если ему повезет завоевать доверие Му Цина, он даже сможет увидеться со своим родным дядей, нынешним императором.

Но если он станет на сторону Му Цина, то риск быть обнаруженным также возрастет — ведь велика вероятность, что он столкнется с «наследным принцем» и Лан Цзюнься. Ненаследный наследный принц, возможно, и не узнает его, но Лан Цзюнься — ни за что... Дуань Лин должен был прежде всего заботиться о собственном выживании.

Отец говорил ему, что иногда самое опасное место — самое безопасное. Лан Цзюнься не должен был знать, что он еще не умер, и никак не мог предположить, что Дуань Лин скрывается в поместье канцлера.

Он все ждал и ждал, и через несколько дней Дуань Лин наконец получил свой шанс.

— Сходи купи пару шаобинов к ужину, — сказал Дуань Лину У Ду.

Отсчитав немного денег, он бросил их Дуань Лину. Тот подумал, что так дальше жить нельзя, и начал жалеть У Ду. Такому нахлебнику, как он, не было смысла об этом задумываться, но смотреть, как день за днем у У Ду заканчиваются деньги, было довольно печально.

Дуань Лин вышел за дверь с десятью медяками в рукаве и подумал: когда-нибудь, когда я стану императором, я позволю тебе пировать каждый день, пока ты не наешься... Но, когда он вспомнил о том, какое жалкое существование он влачил сейчас, не казались ли его надежды такими же иллюзорными, как отражение луны в пруду?

Дуань Лин не мог удержаться от того, чтобы не обернуться и не бросить взгляд на У Ду, но тот оказался очень бдительным.

— На что ты смотришь? О чем задумался?

Дуань Лин мог только протянуть деньги и сказать У Ду:

— Я подумал, что мы можем готовить сами. Тогда мы сможем есть все, что захотим, и не придется покупать еду на улице.

Постепенно аура У Ду успокоилась.

— Замолчи. Я сказал тебе купить, так иди и купи.

Дуань Лин кивнул и ушел, как и должен был.

Не каждый день ему выпадает возможность выйти на улицу, но он не смел бегать по всему дому. Если Лан Цзюнься во дворце, вряд ли у него будет свободное время для прогулок по центральным улицам, но Дуань Лин все равно должен быть уверен, что не ведет себя слишком нагло; если он не будет выглядеть так, словно прогуливается украдкой, его, естественно, не будут допрашивать. Он пошел на рынок и закончил то, что поручил ему У Ду, а затем направился в чайный домик, чтобы узнать, не болтает ли кто-нибудь о текущих событиях.

Он никогда не задумывался о том, что никто не станет обсуждать императора, который умер уже более полугода назад, и, прослушав целую вечность, Дуань Лин решил, что не стоит поднимать шум и расспрашивать, и, боясь задержаться слишком долго, поспешил вернуться.

Конечно, У Ду все равно был недоволен.

— Почему ты так долго покупал шаобины? Ждал, пока вырастет пшеница?

— Я не знал дороги и заблудился. Добрый человек подсказал мне правильный путь.

Дуань Лин научился сочинять ложь и безупречно ее воплощать. У Ду все еще остался в неведении и ответил:

— Ладно-ладно, давай поедим.

Подслушивать гостей в чайном домике было плохим способом собрать информацию, к тому же это место было с дурной репутацией, и туда ходили самые разные люди. Бежать подслушивать возле кабинета канцлера — значит искать неприятности. Дуань Лин размышлял об этом снова

и снова, вспоминая, как быстро распространялись новости, когда он учился в Академии Биюн и в Прославленном зале. Была ли в Сычуани школа?

Дуань Лин настолько был занят своими проблемами, что несколько раз почти решился рискнуть проверить У Ду — может, притвориться, что нечаянно спросил о ситуации во дворце? Но после долгих раздумий эта идея показалась ему слишком рискованной. В конце концов, трудно заглянуть в сердце человека, когда на нем столько плоти, и если окажется, что он столкнулся с очередным Лан Цзюнься, то спасти его будет некому.

По наблюдениям, у Дуань Лина сложилось впечатление, что, хотя У Ду был сведущ в отравлении, он действительно был человеком порядочным. Являясь мастером боевых искусств, он не воровал и не брал чужого, не использовал свои навыки отравления в корыстных целях — он был честным и добросовестным. Иногда, встав утром, он заставлял У Ду во дворе за отработкой приемов, и когда его руки вращались в воздухе то в одну, то в другую сторону, на них было так же приятно смотреть, как на орла в полете.

Закончив тренировку, У Ду бросил Дуань Лину небольшой кошелек с монетами.

— Купи пару шаобинов и полкэтти вина.

Понимая, что возможность снова пришла, Дуань Лин взял деньги и быстро вышел на улицу. Поспрашивав, он понял, что в частных начальных школах Сычуани ему не удастся узнать о текущей политике, но в Императорской академии было много студентов, поэтому он спросил дорогу и устремился туда.

Дуань Лин добрался до ограды перед садом Императорской академии и, сложив два камешка в стремянку, встал за стенами, глядя внутрь через богато украшенные резьбой оконные стекла. У нескольких студентов только что закончились занятия, и они стояли в саду и болтали.

—...Но если подумать, взвесить все «за» и «против», то это хорошо, — произнес кто-то. — Юг не может больше воевать, нам нужно время, чтобы восстановиться. Плохо, что сейчас у нас хороший канцлер, но нет способных воинов, так что одно дело, если они не будут отдавать предпочтение военным...

Как и в Академии Биюн, когда студентам было нечем заняться, они любили вести себя как взрослые и обсуждать политику. Большинство из них говорили о правительстве, а некоторые полагали, что пусть Юань и Ляо сражаются друг с другом как хотят, чтобы Чэнь могла накопить силы; в конце концов, с Ляо на пути монголам понадобится немало времени, чтобы добраться сюда. Как только Ляо будет измучена до полусмерти, Великая Чэнь окажется в выгодном положении для пожинания плодов. Сейчас, когда Му Куанда разрабатывал новый закон о снижении налогов от Сычуани до Цзянчжоу, он пользовался поддержкой населения. С другой стороны, когда у власти был Чжао Куй, он ценил военных и подавлял гражданских чиновников, что, собственно, чаще приводило к неприятностям.

Тема разговора изменилась, и речь зашла о подходе нового императора Ли Яньцю к

управлению страной. Семья Ли всегда правила, руководствуясь даосской философией «бездействия», то есть оставляя все на самотек. Но удивительно, что после возвращения наследного принца ко двору он стал более усердно читать и утверждать указы. Большинство решений в правительстве по-прежнему принимал Му Куанда.

Увлечшись разговором, Дуань Лин потерял счет времени, пока у У Ду не истекло терпение и он не отправился на его поиски. Он застал Дуань Лина стоящим на вершине невысокого кирпичного столба и смотрящим в сад Императорской академии, на его лицо отсвечивало заходящее солнце, а выражение было наполнено тоской.

У Ду стоял на задворках и некоторое время наблюдал за ним, а затем хмуро спросил:

— Зачем ты проделал весь этот путь?

Дуань Лин так удивился, что чуть не упал с ног, а ученики уже ушли. Он объяснил:

— Я случайно проходил мимо и просто... заглянул внутрь.

Он думал, что У Ду накажет его, но, к его удивлению, тот ничего не сказал, а затем повернулся, чтобы уйти. Дуань Лин быстро последовал за ним в дом, перебирая в уме с трудом добытую информацию. Как только они оказались дома, он убрался в комнате У Ду и протер его полку. На ней лежал матерчатый сверток, а в нем — небольшой футляр и меч в ножнах.

Меч был тем самым, который У Ду обычно носил, а кроме него на полке не было ничего, кроме книг. Дуань Лину очень хотелось узнать, что находится в футляре, но в такие моменты любопытство убивает кошку, поэтому Дуань Лин оставил все как есть.

В сумерках У Ду пришел проверить, как там дела с маленьким футляром и мечом. Дуань Лин лежал в углу дома, привалившись к стене, и, услышав шум, украдкой выглянул. Он увидел, что У Ду встал к нему спиной, открыл футляр и что-то достал, а затем вышел на улицу и сел перед дверью.

Вскоре раздался прерывистый звук флейты, как будто ее настраивали. Дуань Лин наострил уши, и ноты, витающие в воздухе, одна за другой стали складываться в мелодию.

Радость встречи!

Это песня «Радость встречи»!

Дуань Лин слышал ее уже бесчисленное множество раз: в Шанцзине, над стенами двора Прославленного зала, игра Сюн Чунь в Калиновом дворе, немного неуверенная игра его отца на флейте... Он с удивлением обнаружил, что У Ду тоже умел ее играть. Как только он уловил первые ноты флейты, Дуань Лин впал в оцепенение.

Поначалу звук, издаваемый флейтой У Ду, казался гневным, но после вступления ноты полились подобно водопаду; в ночной тишине музыка будто призывала поле, полное персиковых деревьев, расцвести; каждая нота лилась без конца, наполненная надеждой и ожиданием, звучащая с беззаботной уверенностью.

Когда он впервые услышал эту песню в Прославленном зале, она была сдержанной и тихой, словно в ней было столько всего, что хотелось сказать, но не было возможности выразить словами; мелодия Сюн Чунь, напротив, была горькой и душераздирающей, с оттенком отчаяния; как только Ли Цзяньхун научился играть, даже его песня для флейты наполнилась звучной силой. Когда У Ду играл ее, она не вызвала у Дуань Лина тех чувств, которые он слышал раньше — она была насыщенной и мягкой, но не агрессивной, пронзительной, но не печальной, чистой и свободной, как вода, текущая по реке Фэн в Сычуани, бурно разливающейся по морю.

Все еще одетый в нижнюю рубашку и короткие штаны для сна, Дуань Лин испытал непреодолимый порыв выйти из своего угла и остановился перед порогом, чтобы выглянуть наружу. На ступеньках во дворе сидел У Ду, его профиль выглядел очень красивым, а во взгляде сквозило безразличие и разочарование. Песня постепенно затихла, и он отложил флейту. Над горизонтом ярко светила полная луна, подчеркивая простор и ясность ночи, а Дуань Лин по-прежнему был поглощен музыкой.

— Что это? — спросил Дуань Лин.

У Ду повернул голову и осмотрел его с ног до головы, уголок его рта слегка подрагивал.

— Никогда раньше не видел флейты?

Дуань Лин потерял дар речи; он думал, что У Ду объяснит ему, расскажет о песне, но тот не удосужился сказать ему ничего лишнего. Отложив флейту, он лег за дверью, глядя на луну.

— Когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, я уже знал, как убивать людей.

Услышав, что У Ду говорит с ним, Дуань Лин вышел на улицу и сел под карнизом, обхватив колени руками.

В тишине У Ду сделал глоток вина и стал размышлять вслух:

— В тот год мне было пятнадцать. Жена моего учителя дала мне копию «Книги медицины», флейту, меч Легуанцзянь и велела покинуть гору, чтобы отыскать шицзе.

Дуань Лин вспомнил Сюн Чунь, которая тоже умела играть эту песню, но ничего не сказал, чтобы не перебивать У Ду.

— Жена моего учителя была женщиной с твердыми убеждениями. Она говорила мне, что в мире есть вещи, которые нельзя делать никогда, даже если твоя жизнь висит на волоске, даже если тебя загнали в угол. Честность... важнее самой жизни.

— И, к счастью, кто-то еще сказал мне, — невозмутимо продолжил У Ду, — что в мире есть вещи, которые нужно сделать, даже если на пути стоят горы мечей и море пламени, как бы трудно ни было...

Вино ушло из его глаз, и У Ду некоторое время напряженно смотрел в пространство, а затем спросил:

— Ты уже учился?

Дуань Лин кивнул, и У Ду продолжил:

— Чем ты хочешь заниматься, когда вырастешь? Не вздумай стать таким же убийцей, как я.

Дуань Лин пристально посмотрел на него и, подумав, ответил:

— Когда мой отец был жив, он хотел, чтобы я ходил в школу и получал высокие места на экзаменах.

У Ду вздохнул.

— Занимать высокие места на экзаменах.

Он прыснул со смеху, качая головой; смеялся ли он над Дуань Лином или над собой было загадкой.

— Как много ты выучил? Выбери несколько предложений и перескажи их мне.

— Небо черное, а земля желтая, космос беспредельно широк, — вспомнил Дуань Лин.

— Ну-ка, попробуй еще раз, — сказал У Ду, — Кто же не знает этого?

— Постоянно повторять изученное — разве это не удовольствие...*

* Из Конфуция. Перефразируя, можно сказать, что весь абзац звучит так: учиться и постоянно повторять изученное, разве это не удовольствие? Встретить друга, прибывшего издалека, разве это не радостно? Человек остается в неизвестности и не испытывает обиды, разве это не благородный муж?

— Цель высшего образования — укрепить благородную сторону своего характера...

— Не знаю, что это значит, еще раз.

— Когда же закончится этот бесконечный круговорот сезонных цветов и созерцания луны? О, как горестно смотреть на прошлое*.

* Еще одно стихотворение Ли Юя. Это цитата из стихотворения, из-за которого его, как известно, убили. Он был отравлен императором Тайцзуном династии Сун в 978 году, после того как написал поэму, в которой в завуалированной форме оплакивал разрушение своей империи и изнасилование его второй жены, Императрицы Чжоу Младшей, сунским императором. После его смерти он был посмертно провозглашен принцем У (□□).

У Ду выпил полный рот вина и на этот раз не перебивал Дуань Лина. Вспомнив стихи, которым их учил глава школы, тот зачитал их У Ду:

— Неужто вы не видите, друзья, как в царственных покоях зеркала скорбят о волосах, — они вчера чернее шелка были, а ныне стали снегом?*, Ты шествуешь и шествуешь, и расстояние тянет нас друг к другу*, — а У Ду слушал, время от времени отпивая вино, пока, наконец, полкувшина вина не закончилась, и он прислонился к краю кровати, закрыв глаза и не двигаясь.

* Из стиха Ли Бо «Цян цзинь цзю» / «Поднося вино», очень длинное стихотворение.

* Это классическое стихотворение неизвестного автора о солдате, уходящем на войну и оставляющем жену на долгие годы.

Дуань Лин, опасаясь, что он простудится от сна на улице, с трудом перетащил его на кровать. Однако У Ду не заснул, он открыл глаза и пьяно уставился на него, словно хотел что-то сказать. В этот момент сердце Дуань Лина начало бешено биться в груди.

— Твои губы похожи на губы Яо Чжэн, — издевался У Ду. — Всякий раз, когда я вижу их, мне хочется дать тебе подзатыльник.

Дуань Лин поспешил спросить:

— Кто... Кто такая Яо Чжэн?

У Ду не обратил на него внимания, и Дуань Лин уложил его, после чего вернулся в свой угол, чтобы расстелить постель, и лег. Но У Ду не закрывал глаза и неподвижно смотрел на спину Дуань Лина.

— Почему мне все время кажется, что я тебя уже где-то видел?

— Правда?

У Ду потер точку между бровями, но не мог вспомнить. Дуань Лин застелил кровать и, стоя спиной к нему, произнес:

— Я видел тебя в моих снах.

— Как это?

У Ду закрыл глаза с незаинтересованным видом.

— Ты дважды спас мне жизнь. Я очень многим тебе обязан, но мне нечем тебе отплатить.

— Я не такой уж и хороший человек, — выдал свои мысли У Ду, — я могу спасти тебя по своей прихоти, но точно так же могу и убить. Не радуйся так спешно.

Дуань Лин понимал, что У Ду просто блефует; конечно, он не станет убивать его без веской причины. Но как только У Ду закончил говорить, он уснул.

На следующий день Дуань Лин решил привести свой план в действие — найти способ подойти к Му Цину и завоевать его доверие. По крайней мере, он должен каким-то образом произвести на него впечатление. Однако его доступ к Му Цину не должен дать У Ду повода насторожиться и отдалиться от него. Иначе без защиты У Ду, если Лан Цзюнься когда-нибудь найдет его, он сможет убить его в любой момент.

У Ду работал над укреплением своей ци, и Дуань Лин время от времени поглядывал на него; его метод был похож на подход Ли Цзяньхуна к укреплению ци: с помощью движений ног и ладоней он направлял поток силы по меридианным точкам тела. Когда У Ду закончил, он был весь в поту, и Дуань Лин вынес во двор ведро воды, чтобы вымыть ему волосы.

— Му Цин попросил меня кое-что сделать, — сказал Дуань Лин.

— Что именно?

Дуань Лин наполнил таз водой и вылил ее на голову У Ду.

— Он попросил меня заполнить рецепт.

И он рассказал У Ду, что произошло.

— Почему ты не сказал мне в прошлый раз?

Дуань Лин ничего не ответил и спросил:

— Что мне делать?

Благодаря своей наблюдательности Дуань Лин понял, что если он подробно объяснит всю ситуацию, то У Ду точно не будет на него сердиться. Разумеется, он сделал правильное предположение.

— Что делать? — ледяным тоном ответил У Ду. — По крайней мере, ты знаешь, что для тебя хорошо.

Поэтому Дуань Лин держал рот на замке и, закончив мыть волосы У Ду, высушил их за него. Понятно, что у У Ду не было выбора, ведь у него не было денег. Он сказал Дуань Лину:

— Он попросил тебя заполнить его, так что давай, заполняй.

Дуань Лин молча вздохнул с облегчением, подумав про себя, что план удался наполовину. Он собрал упаковку лекарств для Му Цина, но вместо того, чтобы поспешно доставить ее, положил на стол перед У Ду. Тот ничего не сказал, продолжая листать свои книги.

Уже за полдень У Ду сказал ему:

— Ступай и передай ему.

Дуань Лин ушел со свертком. На этот раз его поход в поместье канцлера прошел гораздо спокойнее. Му Цин занимался в своей комнате, а на его лице было написано раздражение. Увидев Дуань Лина, он подозвал его и произнес:

— Заходи сюда. Ты закончил?

Дуань Лин достал сверток, сел на пятки рядом с Му Цином и протянул ему.

— Принимайте по половине медяка за раз. Больше нельзя.

Му Цин отложил его в сторону, словно он был самым ценным сокровищем. Достав несколько серебряников, он спросил:

— Как тебя зовут?

— Ван Шань.

Му Цин кивнул. Дуань Лин не каждый день приходил сюда, поэтому хотел найти какой-нибудь предлог, чтобы поговорить с Му Цином и завоевать его расположение, убедиться, что он его помнит, ведь только так у него будет возможность найти подход к нему в будущем. Однако реальность доказала, что Дуань Лин действительно слишком сильно беспокоился: Му Цин был заперт в своем доме при дворе на несколько дней, чтобы учиться, а те негодяи, которых он называл друзьями, больше не приходили за ним из страха, что Му Куанда растопчет их до смерти, как он сделал это с тем сверчком. Единственными, кто его окружал, были несколько служанок. Му Цин уже совсем обезумел от кабинной лихорадки.

— У тебя есть какое-нибудь снотворное? — прошептал Му Цин. — Лучше всего, если это будет такое средство, после приема которого человек ничего не будет помнить, а просто подумает, что ему приснился сон или что-то в этом роде. Мы сможем вырубить охрану и улизнуть, чтобы поиграть.

Дуань Лин немного подумал и серьезно ответил:

— Нет, молодой господин.

— Тогда есть ли у вас обычные снотворные? Ведь у У Ду наверняка есть?

— Нет, — ответил Дуань Лин, — он не пользуется усыпляющими средствами.

Му Цин сидел перед листом бумаги и жалобно хмурился. На странице было всего несколько строк, и Дуань Лин уже это заметил.

— Откуда ты? Может быть, ты знаешь что-нибудь интересное? Я дам тебе немного денег. Сходи на рынок и купи мне что-нибудь занятное.

— Господин спустит с меня шкуру, молодой господин.

Му Цин на мгновение замолк, а затем спросил:

— Ты умеешь писать сочинения? Ответь на этот вопрос. Умеешь?

Дуань Лин взглянул на тему, написанную сбоку: Цзы Лу, Цзэн Си, Жань Ю, Гунси Хуа, взятую из «Лунь Юй»*, и на скомканные листы бумаги, которые Му Цин разбросал по столу; тут же ему пришла в голову идея.

* Записанные разговоры Конфуция с его учениками.

У Му Цина совсем не было сил, и он лег на кровать, раскинув руки. Бросив взгляд на стол, Дуань Лин взял кисть, обмакнул ее в тушь и начал писать.

Тем временем Му Цин поднялся и стал рассказывать по комнате, потягиваясь, но не прогнал Дуань Лина из дома. Он стоял во дворе, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, делая зарядку.

— Знаешь какие-нибудь боевые искусства?

— Нет, — ответил Дуань Лин, уже записывая на бумаге.

Му Цин, не оборачиваясь, просто вытянул талию и спросил его с недоумением:

— Разве У Ду не живет сам по себе? Ведь ты только недавно стал жить в его доме? Зачем ты ему понадобился?

У Ду производил на Му Цина впечатление человека со странностями. Не говоря уже обо всей этой истории с «работой с тремя фамилиями», он, похоже, не понимал, что должен был добиваться расположения отца, а Чан Люцзюнь целыми днями издевался над ним. Если бы это был кто-то другой, он бы уже ушел, но этот убийца все еще ухмылялся и терпел, оставаясь в доме на дальнем дворе.

Дуань Лин снова и снова прокручивал в голове этот вопрос, но не ответил на него прямо.

— Я из Сюньбэя, молодой господин.

— О? Сюньбэй.

Несмотря на то что Му Цин родился с серебряной ложкой во рту, его нельзя было назвать надменным. Он вырос в семье ученых, так что манеры у него, по крайней мере, были как у человека образованного.

— Сюньбэй... северный Сюньян. Что там интересного?

— Это на западной окраине Шанцзы. В горах много диких животных.

— Хотел бы я как-нибудь поохотиться. Я дам тебе немного денег. Сходи вместо меня на рынок и купи для меня лошадь. Не обязательно большую, подойдет и юньнаньская*. Держи ее в своем дворе, а я буду приходить смотреть на нее, когда будет время... Что ты делаешь?

* Коротконогая, выносливая рабочая лошадь для перевозки грузов.

— Делаю за вас домашнее задание, молодой господин.

Пока они разговаривали, Дуань Лин закончил все сочинение, отложил кисть, встал и поклонился Му Цину.

Тот был поражен.

— Ты даже раньше учился в школе?

Дуань Лин стоял неподалеку, но ничего не говорил, не поднимая глаз. Му Цин прочитал все от начала до конца.

— Это... это подойдет — это здорово!

— Молодой господин, вы не можете просто скопировать его целиком и отдать в таком виде. Вам нужно будет изменить первый и последний абзацы и поменять местами некоторые выражения в середине.

— Отлично! Отлично! — засмеялся Му Цин. — Большое спасибо!

Му Цин сел, а Дуань Лин растер для него чернила. Он все переписал, меняя местами некоторые моменты, и Дуань Лин поднялся, как только Му Цин закончил. Он достал из кошелька немного денег, но, поразмыслив, решил не вознаграждать Дуань Лина.

— Приходи на следующее утро. А пока иди домой.

Дуань Лин ответил «непременно», а Му Цин сиял, глядя на переписанное им сочинение. После двухнедельного заточения он наконец-то сможет сдать работу.

«Поднося вино»

Ли Бо/ перевод Анны Ахматовой

Неужто вы не видите, друзья,
Как воды знаменитой Хуанхэ,
С небесной низвергаясь высоты,
Стремятся бурно в море,
Чтоб не вернуться больше?

Неужто вы не видите, друзья, Как в царственных покоях зеркала Скорбят о волосах, — они вчера Чернее шелка были, А ныне стали снегом?

Достигнув жизни счастья, Испей его до дна, Пусть полон будет кубок Под молодой луной.

Мне небом дар отпущен, Чтоб расточать его. Истраченным богатством Я овладею вновь.

Быка зажарим, други, Но для веселья нам Сейчас же надо выпить Заздравных триста чаш.

Учитель Цэнь И ты, Дань-цю, Коль поднесут вино, То пейте до конца,

я вам песнь спою, Ко мне склоните ухо:

Изысканные яства Не следует ценить, Хочу быть вечно пьяным, А трезвым — не хочу.

Так повелось издревле — Безмолвны мудрецы, Лишь пьяницы стремятся Прославиться в веках.

Князь Цао Чжи когда-то Устроил пир в Пинлэ, И десять тысяч доу Там выпили шутя.

Напрасно наш хозяин Сказал, что денег нет, Вина еще мы купим.

Чтобы друзьям налить. Вот быстрый конь, Вот новый плащ, — Пошлем слугу-мальчишку, Пусть обменяет их, И вновь,

друзья, забудем Мы о своих скорбях.

Получив деньги за лекарство, Дуань Лин отправился на рынок за едой и вином и купил кусок тушеного мяса. Когда он вернулся в дом, У Ду спросил его:

— Почему ты так долго?

— Я слушал рассказчика и потерял счет времени, — ответил Дуань Лин, раскладывая на столе блюдо за блюдом. Остатки денег он передал У Ду.

Тот посмотрел на Дуань Лина очень пристальным взглядом.

— Ты, должно быть, счастлив, что тебе заплатили, — сказал У Ду, — есть вино, чтобы пить, и

мясо, чтобы есть.

Дуань Лин видел, что тот злился, но было непохоже, что это было связано с его поздним возвращением. Не говоря уже о том, что на написание сочинения у него ушло не больше часа. Он не мог понять, о чем думал У Ду, и уже собрался начать объясняться, как вдруг прямо перед его носом раздался громкий удар: У Ду выкинул из комнаты стол, а вместе с ним вылетела и стоящая на нем еда. Глаза Дуань Лина наполнились страхом.

— Я так упорно тренировался, чтобы овладеть боевыми искусствами, — процедил У Ду, его тон был ледяным, — а живу как собака — только сделав афродизиак для молодого хозяина поместья канцлера и получив за это пару монет, я могу позволить себе немного еды и вина. О, я чувствую себя таким счастливым, что даже не знаю, что и делать.

Дуань Лин понял, почему он расстроился, но не знал, как его утешить. Он смотрел, как У Ду медленно встает и идет в коридор, где выпускает один долгий, долгий вздох.

Дуань Лин осторожно подобрал еду, убрав битые осколки фарфора. Вернув стол на место, он аккуратно расставил на нем еду, как и прежде.

— Давай поедим.

И оба начали есть испачканную еду. Закончив, Дуань Лин убрал посуду в мойку, как будто ничего необычного не произошло, а У Ду лег спать, не снимая одежды.

На следующий день Дуань Лин размышлял о том, как бы поступить, и когда У Ду с утра практиковал боевые искусства во дворе, Дуань Лин следовал за ним по пятам.

— Я не беру учеников, — сказал У Ду, не обращая на него внимания. Его профиль выглядел суровым, когда он развернулся и сделал шаг вперед, выставляя перед собой ладонь в приеме, называемом «разделение гор». Но Дуань Лин не обращал внимания на его слова и сосредоточенно следил за ним, копируя каждое движение.

Внезапно У Ду перестал двигаться и поднял ногу, ударяя по задней части колена Дуань Лина. Застигнутый врасплох, он споткнулся, и У Ду снова выставил ногу, чтобы поставить ему подножку. Дуань Лин упал вперед, а когда он поднялся, У Ду снова поставил ему подножку. И он снова упал. Так продолжалось еще четыре-пять раз, и У Ду не мог удержаться от смеха.

— Твоя основа поверхностно натренирована, — подшучивал над ним У Ду.

Дуань Лин тоже нашел это довольно забавным и встал с земли, покрытый пылью.

— Ты не годишься в мастера боевых искусств. Забудь об этом, — сказал ему У Ду.

После того как У Ду отошел, Дуань Лин по памяти повторял все приемы, которые тот ранее демонстрировал, и снова подвергся насмешкам, а У Ду, присев над порогом, все время отпускал язвительные замечания в его адрес. Вскоре в дом пришла служанка и сказала, что канцлер желает его видеть, а пока он здесь, ему следовало привести и своего молодого слугу.

Выражение лица У Ду слегка омрачилось, когда он вспомнил, что Дуань Лин упомянул о его столкновении с Му Куандой несколько дней назад, поэтому он не проявил излишней подозрительности.

— Если канцлер спросит, откуда я... — сказал Дуань Лин У Ду, почувствовав тревогу.

У Ду понимал, что его действия неприемлемы: взять из ниоткуда молодого слугу и держать его в резиденции канцлера — не такое уж большое дело, но и не совсем пустяковое. Если он не объяснит все четко, Му Куанда, возможно, позволит У Ду оставить мальчика у себя из уважения к У Ду, но, если он захочет утащить его и сослать служить в армию на границе или продать, У Ду ничего не сможет с этим поделать.

— Что бы не случилось, когда канцлер о чем-либо тебя спросит, не произноси ни слова, — сказал У Ду Дуань Лину. — Я отвечу за тебя.

Дуань Лин кивнул и, следуя за У Ду, вошел во внутренние сады канцлерского поместья. За ними пришел слуга и провел их в главный дом.

Му Куанда сидел за столом, рядом с ним настороженно стоял Му Цин, а за ним — Чан Люцзюнь в маске. С ними также находился старик, который, должно быть, являлся учителем.

Глаза У Ду слегка сузились, а Му Куанда пил свой чай, не обращая на них внимания. На столе перед ним лежало сочинение, которое Му Цин скопировал у Дуань Лина.

— Как тебя зовут? — спросил Дуань Лина Му Куанда.

Дуань Лин ничего не сказал, и У Ду хмуро уставился на него.

— Канцлер задает тебе вопрос. Ты что, оглох?

Дуань Лин подумал: «Это ты просил меня не говорить ни слова. Мы всего лишь немного прошли по галерее, а ты уже обо всем забыл».

— Ван Шань, — ответил Дуань Лин, не смея взглянуть на Му Куанду.

Му Куанда бросил на него взгляд и вспомнил.

— Это ты пришел доставить лекарство. Я видел тебя на днях, и лекарство, которое ты принес, было для сверчков. Как же мне было приятно узнать об этом. Я прожил столько лет и даже не подозревал о существовании лекарства для сверчков. У Ду, почему ты целыми днями изучаешь подобные вещи?

У Ду молчал. В наступившей тишине Му Куанда взял в руки сочинение сына и обратился к Дуань Лину:

— Ван Шань, это ты помог молодому господину написать это сочинение?

— Это он научил меня, как его написать... — объяснил Му Цин.

— Закрой рот! — произнес Му Куанда в ярости, и Му Цин испуганно замолк.

У Ду странно взглянул на Дуань Лина.

Дуань Лин ответил:

— Я добавил немного в конце для молодого господина.

Му Куанда сказал ему:

— Учитель задаст тебе вопрос, и ты должен ответить на него. Пиши вон там.

Дуань Лин бросил косой взгляд на Му Цина, тот выглядел виноватым и кивнул Дуань Лину в знак одобрения, поэтому он опустил голову и сел за стол. Учитель взял в руки кисть и написал две строчки для вопроса, после чего передал ее Дуань Лину. Он взял кисть и после минутного молчаливого раздумья начал писать.

— Присаживайся, — только теперь Му Куанда обратился к У Ду.

Он сел рядом, но его глаза, как и все это время, оставались прикованными к Дуань Лину, и эмоции, заложенные в них, были очень противоречивы.

— Я понятия не имею, где ты купил этого молодого слугу, — обратился Му Куанда к У Ду.

Рука Дуань Лина слегка подрагивала. У Ду долгое время наблюдал за ним, а Му Куанда просто продолжал пить свой чай. Наконец Дуань Лин не смог удержаться от того, чтобы не посмотреть на У Ду, его взгляд стал умоляющим.

Возможно, именно тоскливый взгляд Дуань Лина и лучи закатного солнца, когда он стоял

возле Императорской академии, тронули У Ду, а возможно, именно выражение его глаз в тот краткий миг, когда он повернул голову, заставило его проникнуться к нему вновь обретенной симпатией.

В конце концов, У Ду не решился бросить его и на ходу выдумал для Дуань Лина легенду, чтобы объяснить Му Куанде:

— Его отец был торговцем лекарствами, моим старым другом, а в детстве он жил в Сюньбэе. Его мать умерла, когда он был совсем маленьким, и после падения Сюньбэя он помогал отцу вести дела за границей. Позже отец умер, и ему некуда было идти, поэтому он пришел ко мне в поисках жилья. Поскольку мы с его отцом были друзьями, я разрешил ему пока пожить у меня в доме на заднем дворе. Я просто думал найти ему способ заработка на жизнь в этом районе, но теперь мне кажется, что я сую свой нос не в свое дело.

Закончив говорить, У Ду посмотрел на Му Куанду, но тот даже не удостоил его взглядом. Он спросил Дуань Лина:

— Ты ходил в частную школу?

Дуань Лин вновь замолчал и У Ду снова ответил за него:

— Отец собирался отправить его в школу, чтобы он смог сдать экзамены, но кто знает, на сколько лет он отстал из-за войны и всего остального.

Му Цин вытянул шею, пытаясь заглянуть в сочинение Дуань Лина. Му Куанда кашлянул, и его шея тут же втянулась, как у черепахи.

Когда ты едва можешь поддерживать с кем-то разговор, половина предложения — уже слишком, поэтому Му Куанда больше не говорил с У Ду*. Вокруг было тихо, и единственным звуком в комнате было почти незаметное скольжение кисти Дуань Лина по дорогой бумаге.

* Когда встречаешь настоящего друга, тысяча чашек вина — слишком мало; когда едва можешь поддержать разговор, половина предложения — слишком много. Это идиома Оуян Сю.

Однако именно У Ду первым нарушил тишину.

— Слуги уже несколько дней не приносили в дом еду, — сказал он, — поскольку в поместье канцлера не собираются содержать бездельников, я как раз думал зайти попрощаться с вами, канцлер Му.

Му Куанда едва не выплюнул полный рот чая. Какое-то мгновение он просто смотрел на него, ошеломленный, а потом понял, что, должно быть, произошло.

Когда речь заходила о чем-то подобном, канцлер заботился о сохранении видимости: если просочится слух о том, что он взял к себе в услужение гостя, но не кормит его три раза в день, его со смехом вышвырнут из города. Не нужно долго думать, чтобы понять, что это наверняка сделал Чан Люцзюнь, он из кожи вон лез, чтобы унижить У Ду, но Му Куанда не стал прямо говорить ему об этом, а обратился к слуге.

— Немедленно отправь приказ на кухню и скажи, что, если в доме У Ду будет пропущен хоть один прием пищи, работники кухни по законам этого дома будут забиты до смерти.

После этого У Ду стал выглядеть немного менее мрачным, ведь наверняка не Му Куанда намеренно усложнял ему жизнь. Пока его настроение все еще колебалось, раздался легкий звон, когда Дуань Лин положил кисть на подставку, учитель принес сочинение и с поклоном положил его перед Му Куандой.

Тот лишь мельком взглянул на него, а затем повернулся к Дуань Лину.

— С завтрашнего дня приходи к нам по утрам и занимайся с молодым господином. После обеда возвращайся домой и присматривай за своим приемным отцом, как ты и делал раньше.

Закончив разговор с Дуань Лином, Му Куанда обратился к У Ду.

— Чтобы убить человека, достаточно одного удара клинком, но на воспитание человека уходит вся жизнь. Это добродетель для твоей кармы.

Чан Люцзюнь подхватил нить разговора и добавил:

— Смена профессии на учителя — тоже неплохо.

Му Цин захихикал, и в тишине зала этот смех звучал особенно неуместно.

У Дуань Лина чуть сердце в пятки не ушло, и вот наконец-то он успокоился. Пусть он все еще находился в десяти тысячах ли от своей цели, но пока, по крайней мере, несмотря на то, что путь был опасным, казалось, что все развивалось в наиболее выгодном для него направлении.

— Забери его с собой, — сказал Му Куанда. — Как продвигается работа над лекарством?

У Ду ответил:

— Я все еще работаю над ним.

Дуань Лин поспешно встал и вслед за У Ду вышел из комнаты.

Как только У Ду ушел, Му Куанда сделал еще один глоток чая.

— Ученый скорее будет убит, чем опозорен*. Чан Люцзюнь, не мог бы ты быть немного милосерднее? Что ты вообще получаешь от того, что целыми днями дурачишь людей?

* Из «Книги обрядов». Конфуцианец может быть движим чувством или разумом, но не силой; он скорее умрет, чем будет осмеян. Или же конфуцианский благородный муж купится на пряник, но не на кнут.

Чан Люцзюнь лишь извиняясь поклонился.

— Тогда иди, — сказал ему Му Куанда, а затем обратился к Му Цину.

— У тебя есть месяц, чтобы закончить это сочинение. Если посмеешь еще раз попытаться выкрутиться, можешь взять маленькую табуретку и каждое утро ходить со мной на придворное собрание, садиться позади меня и главного цензора и писать свое вздорное сочинение прямо там.

Му Цин быстро кивнул: ему снова удалось избежать наказания.

Дуань Лин гадал, как У Ду взбесится, когда они вернутся. Он знал, что именно такой реакции он и добьется, но у него не было другого выбора. Он мог найти выход, только рискуя навлечь на себя недовольство У Ду. Вспоминая прошлое и все шаги, которые он предпринял, чтобы попасть сюда, он почувствовал себя в полной мере виноватым. Раньше он никогда не лгал, и только после того, как Лан Цзюнься отвез его в Шанцзин, он впервые в жизни соврал.

«Меня зовут Дуань Лин, а моего отца — Дуань Шэн...»

Чтобы выжить, он был вынужден лгать. И постепенно он начал понимать, что означала эта ложь; он стал выдумывать все больше вранья, чтобы одурачить все больше людей и защитить себя. Но сколько бы человек ему ни требовалось обманывать, больше всего он чувствовал вину, когда приходилось врать У Ду.

Всю дорогу У Ду выглядел разъяренным и все время молчал.

Они вернулись в дом, и как только Дуань Лин обернулся, его за воротник вытащили на середину двора и бросили на землю. Дуань Лин только успел опомниться от падения, как большая лента У Ду обвилась вокруг его горла, прижав его к столбу.

— Раньше я не мог определить, но, похоже, ты довольно хитер.

Глаза У Ду наполнились враждебностью.

— Ты так сильно хочешь пробиться вперед?

У Дуань Лина заслезились глаза от нехватки воздуха. Ему действительно было ужасно жаль, и он посмотрел на У Ду, полный раскаяния. Не двигаясь, У Ду так и держал его за шею, пока постепенно его ярость не утихла под взглядом Дуань Лина, и он отпустил его.

Дуань Лин упал на колени, безостановочно кашляя и отхаркиваясь, а У Ду стоял перед ним с мрачным выражением лица, но в нем уже не кипела ярость, как раньше.

— Мне очень жаль, — ответил Дуань Лин.

Он не пытался снять с себя всю ответственность. Он мог бы легко свалить все на Му Цина — например, сказать, что Му Цин задержал его, когда доставлял афродизиак, и попросил помочь написать сочинение, пообещав дать за это денег... Но на самом деле именно он все спланировал, вплоть до этого объяснения.

Но он не хотел врать У Ду и решил просто сказать:

— Ты прав. Я хочу пробиться выше.

— Иди и служи своему новому хозяину, — ответил У Ду, после чего вернулся в свою комнату и захлопнул дверь.

Дуань Лин некоторое время сидел на веранде. Очевидно, У Ду был немного удивлен, ведь когда Дуань Лин не потрудился объясниться, а вместо этого так ясно сказал ему «я хочу пробиться выше», это не оставило ему повода впадать в ярость.

Вскоре У Ду снова распахнул дверь, чтобы сказать ему:

— Почему ты до сих пор не ушел?!

У Ду всегда злился, но его гнев быстро приходил и так же быстро уходил; его злость была так же прямолинейна, как раскаты грома, за которыми следовал дождь. Второй раз он хлопнул дверью уже не так громко и звонко, как в песне, а наоборот, в этот раз все звучало как будто напоказ.

— Я привык к бедности.

Дуань Лин сидел на веранде, обхватив руками колени, и его тон казался непринужденным.

— И я привык быть бродягой. Я не хочу, чтобы на меня смотрели свысока. Не хочу, чтобы меня предавали. Хочу сам решать свою судьбу.

Внутри дома У Ду ничего не ответил.

Дуань Лин продолжил:

— Я не хочу, чтобы другие люди решали, когда мне умереть, когда мне жить, как мне умереть, как жить. Я больше не могу этого выносить. Я хочу жить дальше.

Дуань Лин обернулся, чтобы заглянуть в дом, и, когда У Ду захлопнул дверь, она отскочила от рамы и оставила небольшую щель.

— Вот почему я хочу продвинуться вперед. Прости меня, У Ду.

Дуань Лин подошел к двери и заглянул внутрь сквозь щель. Увидев, что У Ду сидит в сумрачной комнате и не говорит ни слова, он распахнул дверь и впустил внутрь солнечный свет, который пролился на него. Дуань Лин больше ничего не сказал, а затем повернулся, чтобы набрать воды для цветов и поухаживать за растениями во дворе.

«На протяжении всей своей жизни ты будешь решать судьбы многих людей.»

Слова, услышанные им давным-давно, всплыли в памяти У Ду; прошло столько времени, что он даже забыл, как звучал тот нежный голос.

«У каждого человека, который умрет в твоих руках, даже если найдется десять тысяч причин, по которым он должен умереть, все, что было связано с его жизнью, исчезнет подобно дыму с того самого момента, как ты вонзишь в него свой меч. А что же ты? В твоих руках находится высшая власть над жизнью и смертью этих людей, но задумывался ли ты когда-нибудь о себе?»

Сегодня не нужно было идти покупать шаобины: из поместья канцлера им доставили еду, и она оказалась даже роскошнее, чем обычно. Вместе с едой прислали небольшую бутылку вина, и У Ду на этот раз не стал демонстративно опрокидывать стол. Дуань Лин аккуратно расставил блюда по столу. Оба они чувствовали себя немного неловко, и Дуань Лин ждал, пока У Ду возьмет свои палочки, прежде чем начать есть.

— Похоже, для тебя, парень, предел — только небеса, — неожиданно сказал У Ду.

Дуань Лин приготовился к новым упрекам и налил У Ду чашку вина. Он выпил его, но больше ничего не сказал.

В ту ночь он, как обычно, ушел в комнату спать, не подавая никаких признаков того, что

собирается уходить, и У Ду тоже не пытался его прогнать. На следующий день, увидев, как У Ду отрабатывает приемы во дворе, он встал и некоторое время учился, подражая ему. У Ду нахмурился.

— Не пора ли тебе уже уходить?

Тогда Дуань Лин ответил:

— Хм... Тогда я пошел.

Получив от У Ду разрешение, Дуань Лин отправился в поместье канцлера, чтобы официально начать свою карьеру в качестве партнера по обучению. Раньше он не очень хорошо понимал Му Цина, поэтому Дуань Лин считал его просто еще одним Бату. Он всегда был уверен в себе, когда имел дело с людьми подобными Бату, так как независимо от того, какую форму принимал его метод работы с таким человеком, суть оставалась в основном той же самой. По большей части было достаточно сохранять спокойствие, независимо от того, что попытается выкинуть его собеседник.

Однако Дуань Лин неправильно его понял: Му Цин и Бату были совершенно разными людьми. Бату всегда скрывал свои чувства, а Му Цин, напротив, раскрывался так же быстро, как вылетает горох из бамбуковой трубки. Он носил свое сердце на рукаве, и у него не было никакого фильтра между головой и ртом.

— Ван, как там... Как тебя зовут? — спросил Му Цин у Дуань Лина.

— Молодой господин, меня зовут Ван Шань, — сказал Дуань Лин.

Учитель кашлянул, но Му Цин не обращал на него внимания и спросил Дуань Лина:

— Почему тебя зовут Ван Шань? В этом есть какой-то глубокий смысл?

Учитель бросил взгляд на Дуань Лина, и он подумал: мы сейчас в школе. Почему ты так много болтаешь?

Но тут учитель сказал ему:

— Раз уж молодой господин задал тебе вопрос, то давай, отвечай.

Чтобы учитель не недооценивал его, Дуань Лин ответил:

— Ван — это «Кунь», как в «Книге Перемен», одна вертикальная линия и три горизонтальные

линии, то есть шесть «инь»; Шань состоит из трех вертикальных линий, то есть три «ян», или «Цянь». Значение имени «Ван Шань» — «инь и ян»*.

* Книга перемен, или И-Цзин, философский текст, который предназначался для гадания.

Му Цин и учитель на мгновение замолчали.

— Почему же тогда тебя не называли Ван Чуань? — спросил Му Цин*.

* Чуань ☰ — тоже три вертикальные линии. В то время как у Шань ☷ есть дополнительная линия внизу, Чуань будет лучше представлять гексаграмму Цянь.

— Да просто так, — ответил Дуань Лин. — Если вам так больше нравится, молодой господин, я не против сменить имя на Ван Чуань.

Му Цин отмахнулся от этой идеи, и они вернулись к занятиям, как и прежде. Учитель провел половину урока, когда Му Цин снова начал игнорировать его, спрашивая Дуань Лина:

— У Ду вышел из себя, когда вы вчера ушли домой?

Дуань Лин подумал, не промолчать ли еще раз, и учителю ничего не осталось, как сделать паузу. Предположительно, его постоянно перебивал Му Цин, так что он уже привык к этому и использовал перерыв, чтобы выпить чашку чая.

И вот Дуань Лин обратился к Му Цину.

— Нет, молодой господин.

— Они прислали вам что-нибудь поесть? — спросил Му Цин.

На этот раз Дуань Лин сумел понять, о чем он думал.

— Прислали. Я еще никогда не ел ничего настолько вкусного.

Му Цин подмигнул ему. Должно быть, он был доволен собой.

Учитель продолжил объяснять классику, и не прошло и минуты, как Му Цин снова завел разговор с Дуань Лином, как будто они были здесь одни.

— В комнате У Ду есть какие-нибудь интересные яды?

Дуань Лин размышлял о том, что работа учителем в поместье канцлера — нелегкий труд, и отпустил несколько коротких фраз в адрес Му Цина. Хотя у него обычно было много товарищей по играм, он никогда не встречал никого, похожего на Дуань Лина; большинство обычных прислужников всегда лебезили перед ним и либо участвовали в его проделках, либо с большим почтением подчинялись его воле. Из-за недостатка знаний и опыта он едва ли мог получить от них ответы на свои вопросы. Эти люди годились лишь на роль помощников, а это было скучно.

А вот Дуань Лин был подобен бездонному омуту: искренний, сдержанный, судя по поведению, начитанный, а значит, хорошо осведомленный. Му Цин не мог сдержать своего любопытства и, словно только что купив новую игрушку, не уйдет, пока не разберется с Дуань Лином досконально.

И хотя утро было уже позади, его интерес к Дуань Лину только усилился. После обеда Дуань Лин немного поиграл с ним в цуцзюй*. Когда он учился в школе в Шанцзине, все свободное время занимали либо цуцзюй, либо борьба, так что они довели эти два навыка до совершенства. Из всех них Хэлянь Бо был одним из лучших, и ему часто аплодировали стоя. Хэлянь Бо научил Дуань Лина всему, что знал сам, и, когда боевые искусства стали для него основой, несколько простых движений с мячом по двору привели Му Цина в восторг.

* Древнекитайский футбол.

— Вы должны делать это вот так. Вот так.

Дуань Лин учил его играть в цуцзюй.

Му Цин и представить себе не мог, что этот ребенок окажется умелым игроком в цуцзюй. До этого его маленькие слуги только пинали мяч без всякой техники, как они могли сравниться с ним в мастерстве? К тому же Дуань Лин охотно делился с ним. Некоторое время они пинали мяч туда-сюда, а после обеда Му Цин прилег вздремнуть. Проснувшись, он увидел, что Дуань Лин обмахивал его веером и одновременно читал книгу.

— Ты такой усидчивый, — сказал полусонный Му Цин.

— Моя семья бедна. Усердие — единственный выход.

Му Цин перевернулся и продолжил спать, но вскоре снова проснулся. Он сел, зевнул и бросил взгляд на Дуань Лина. Когда учитель вернулся после обеда, они вдвоем продолжили заниматься.

К вечеру Дуань Лин закончил обучение с Му Цином и собрался уходить. К его удивлению, тот очень не хотел с ним расставаться. С тех пор как Му Куанда вышел из себя, никто из непорядочных друзей Му Цина к нему не возвращался, а те молодые слуги, что у него были, не смели его ни в чем поощрять, чтобы об этом не узнал Му Куанда и не приказал забить их до смерти по законам дома.

Так и приходилось бедному Му Цину оставаться в одиночестве, с несчастным видом ожидая, что Дуань Лин вернется на следующее утро, чтобы поговорить с ним. Когда Дуань Лин собрался уходить, то увидел, что Му Цин сидел под карнизом, и это заставило его чувствовать себя ужасно виноватым, но потом он понял, что У Ду весь день был дома один и занимался неизвестно чем, и это, вероятно, тоже должно было дать ему много предпосылок для чувства вины. Тем не менее он поклонился Му Цину и сказал:

— Я ухожу, молодой господин.

Му Цин тупо смотрел перед собой, о чем-то размышляя, и помахал Дуань Лину рукавом, мол, иди.

В доме во дворе на столе перед У Ду уже были расставлены тарелки с едой, и когда Дуань Лин вернулся, он принес еще немного еды. Вымыв руки, Дуань Лин спросил:

— Почему ты не ешь?

— Это пайки молодого господина Вана, — сказал У Ду. — Неужели я посмею вот так просто переступить границы дозволенного?

Дуань Лин уже не знал, что сказать, и с величайшим почтением обслужил его, и только тогда У Ду начал есть, при этом на его лице появилось выражение недовольства. Затем он расспросил Дуань Лина о том, что удалось узнать Му Цину за время обучения, и тот описал все уроки один за другим. После ужина он, как обычно, вымыл посуду и постирал белье, а спать лег только ночью.

Так продолжалось большую половину месяца; Му Цин поначалу относился к Дуань Лину только как к товарищу по играм, но серьезное отношение Дуань Лина подстегнуло его, и, похоже, он постепенно начал усваивать часть лекций. Как говорится, что рядом с киноварью становится алым, а что рядом с чернилами — черным. Дуань Лин был весь из себя четкий и правильный, как церемониальный нефритовый клинок*. Назовешь его совершенно безобидным, а в нем, кажется, есть смутный намек на острие; назовешь его человеком сильным, так он постоянно сдерживает себя, что мешает понять, что он из себя представляет.

* Такие штуки, которые, скорее всего, использовались для жертвоприношения предкам.

— Прогресс налицо, — произнес Му Куанда.

— Молодой господин добился определенных успехов, а Ван Шань пишет сочинения подобно мастеру боевых искусств, по совместительству являющемуся ученым, — сказал Му Куанде учитель. — Он талантлив.

Му Куанда пил чай, неторопливо перелистывая сочинения, написанные сыном и его партнером

по учебе, и выставял оценки.

— Как ученый, изучающий боевые искусства, — произнес Му Куанда. — И все же в основе своей ученый.

Праведники часто происходят из низших сословий, а ученые всегда оказываются вероломными*. Если и был какой-то класс людей, которых Му Куанда терпеть не мог, так это праведники из низших сословий — они всегда руководствовались своим сердцем, а не головой, вносили переменные в свои хорошо продуманные планы, в итоге превращая их в кашу. Ученые могли быть вероломны, но была и поговорка, гласящая, что все профессии низменны, кроме учености. Прискорбно, что в его роду мало кто стремился к учености, а его сын и вовсе был никчем. У него действительно не было возможности продвигать его дальше.

* Двустипшие, написанное поэтом Цао Сюэцинем из династии Мин (автор знаменитого романа «Сон в красном тереме»).

— Дайте ему немного денег в качестве вознаграждения, — сказал Му Куанда. — Раз уж вам пора домой, дайте моему сыну пару дней отдыха. И, как вы уже сказали Цин-эру, пусть они вдвоем поиграют, а У Ду пусть охраняет их. В конце концов, он же убийца, жаль оставлять его в том доме при дворе.

Пока учитель совещался с канцлером Му по поводу сочинения, Му Цин и Дуань Лин сидели в кабинете и ждали, когда их вызовут. Му Цин был весь на нервах, но Дуань Лин выглядел совершенно невозмутимым, он прогуливался по комнате, а затем начал просматривать книжную полку, планируя взять несколько книг для чтения, пока их учитель уедет домой на выходные.

У Му Цина возникло ощущение, что он уже где-то видел эту ауру: спокойную, изящную, как будто все было ему подвластно, как у того человека... но сейчас он не мог вспомнить, кто это был.

— Не волнуйся, — сказал Дуань Лин. — Ты очень хорошо справился. Когда другие указывают на твои недостатки, радуйся, понимаешь?* Если учитель вернется, прочтет тебе лекцию и укажет на твои проблемы, ты должен быть счастлив.

* Из текстов Мэн-цзы.

Сидя перед партой, Му Цин нарисовал маленькую фигурку с двумя усами и начал смеяться. Дуань Лин часто находил веселье в неприятных обстоятельствах, поэтому даже учеба стала более беззаботной, чем раньше.

— Больше всего я боюсь «вопросов управления», — сказал Му Цин. — На его месте я бы забрал часть серебра у богатых и раздал его бедным. Тогда бы всем жилось спокойнее.

— Но что нам делать, когда они закончат тратить деньги? — спросил Дуань Лин у Му Цина. — Если разобраться, то корень проблемы — в распределении земель.

— Тогда скажу им, чтобы они покупали землю, — ответил Му Цин.

Сегодня на ежемесячном экзамене им задали вопрос о том, как лучше всего расселить беженцев, бегущих на юг. Из-за череды войн, начавшихся в прошлом году, до миллиона человек из Ляо и Чэнь устремились на центральную равнину и в Цзяннань. Они потеряли свои земли, испытали на себе разорение монгольской армией, а многие из них замерзли насмерть по пути на юг; они бежали в Цзянчжоу, а некоторые даже перешли Янцзы вброд, чтобы продвигаться дальше на юг.

Таким образом, вопрос, который поднял Му Куанда, заключался в том, что «гуманное правление» Мэн-цзы должно начинаться с границ*, что позволяло проникнуть в суть широко распространенной проблемы прав на землю, которая существовала в Южной Чэнь по сей день. Без помощи Дуань Лина Му Цин сумел понять, что имел в виду Му Куанда, потому что Дуань Лин однажды сказал ему, что он должен подумать над тем, что в вопросе не было сказано прямо.

* «Гуманное правление должно начинаться с границ; если границы проведены неправильно, земля будет разделена неравномерно, а зерно и жалованье будут распределены несправедливо».

— А когда они купят землю, одни будут всегда усердны, а другие ленивы; одним будет везти, а других постигнет неудача. Деньги и земля постепенно сосредоточатся в руках немногих избранных. В итоге одни останутся ни с чем, а другие разбогатеют, получив большие наделы плодородной земли.

— Тогда просто перераспределим, да? — ответил Му Цин.

— И цикл начнется заново, снова и снова, без конца.

Дуань Лин засмеялся.

— Но если я попрошу вас раздать все ваши деньги бедным, вы с радостью это сделаете?

— С удовольствием.

Дуань Лин безмолвно уставился на него. Зная Му Цина, он действительно мог быть счастлив это сделать. Если все в мире будут такими, как он, то беспокоиться будет не о чем. Му Куанда — это Му Куанда, и то, что у него родился сын, подобный Му Цину, было настоящей иронией судьбы.

Вернулся учитель и сообщил, что они хорошо справились с сочинениями. Му Цин тут же разразился радостными возгласами, а учитель дал им два дня выходных. Дуань Лин собрал свои вещи, чтобы отправиться домой и составить компанию У Ду, а Му Цин, закончив ликовать, вдруг почувствовал себя немного разочарованным тем, что тот не будет приходить к ним, когда у них будут выходные, настолько, что оказался в растерянности...

Если бы ему предложили пойти развлекаться с теми, кого он раньше называл друзьями, он бы тоже не захотел. В отличие от них Дуань Лин оказался отличным товарищем по играм: он часто слушал, мало говорил и даже был мастером на все руки — он мог поймать кузнечика или птицу, написать сочинение или выпустить стрелу. Мог придумывать загадки для Му Цина, знать классику настолько хорошо, чтобы небрежно цитировать ее, а иногда даже придумывать шутки про старых философов-мудрецов. Может, они были и близки по возрасту, но Дуань Лин был гораздо взрослее и спокойнее.

— Чем ты собираешься заниматься в свободные дни? — спросил Му Цин.

— Сначала я должен вернуться. Иначе У Ду меня побьет.

Му Цин собирался заставить Дуань Лина остаться на ужин, но, услышав это, ему ничего не осталось, как отмахнуться от него и отпустить. В наше время трудно найти подходящих друзей: либо это сладкоречивые льстецы, либо безыскусные и немногословные тупицы. Таким образом, становилось ясно, что даже если не судить о человеке по его внешности, люди делятся на касты и классы — все хотят дружить с теми, кто очарователен, элегантен, обладает хорошим вкусом и искренен в отношениях.

Дуань Лин, как обычно, стоял на коленях перед низким столиком, уставленным тарелками с едой; сегодня из поместья прибыло множество подарков. У Ду, как обычно, скучающе смотрел на все это.

— Как ты справился с сегодняшним ежемесячным экзаменом? — спросил У Ду.

— Судя по количеству подарков, наверное, неплохо. А ты?

— Может, я тоже когда-нибудь стану врачом и буду просто выписывать рецепты, чтобы заработать на жизнь, сменю профессию.

Дуань Лин взял обеими руками палочки для еды, вежливо положил их перед У Ду, и они вдвоем приступили к трапезе. Дуань Лин с улыбкой сказал ему:

— Лечить болезни, спасать людей — для меня нет ничего более приятного, чем это.

У Ду задумчиво уставился на него; как ни странно, с тех пор как Дуань Лин признался, что хочет добиться успеха, он не мог найти в этом ничего предосудительного. В конце концов, такова человеческая природа. Как говорится, бойся не злодея, а лицемера. Временами У Ду казалось, что Дуань Лин одновременно и раздражал, и удивлял: он пребывал в том самом неловком возрасте — на грани между ребенком и взрослым, его голова была полна необъяснимых идей, а из уст постоянно вылетали возмутительные слова.

— Когда у тебя день рождения? — спросил У Ду.

— Я забыл.

Дуань Лин задумался: если Лан Цзюнься взял его свидетельство о рождении, то и у наследного принца этот день должен быть днем рождения, поэтому он не должен сболтнуть лишнего.

— Возможно, он... седьмого числа.

— Значит, он уже почти наступил. У тебя завтра выходной?

— Да, — ответил Дуань Лин.

Когда дело доходило до блюд, которые нравились У Ду, Дуань Лин брал немного, а когда это была еда, к которой тот не хотел прикоснуться, он брал больше; впрочем, У Ду придерживается той же идеи, поскольку и пища, и подарки были заработаны Дуань Лином, и он хотел оставить ему то, что ему нравилось. Но теперь они оба отказывались от блюд за столом и не были уверены, что им стоит есть.

— У тебя будет несколько свободных дней, так что я приглашу тебя куда-нибудь развлечься.

Дуань Лин действительно хотел сходить куда-нибудь в веселое место и просто думал о том, как бы найти возможность выйти на улицу. Он боялся, что У Ду не пойдет с ним, если он попросит, а если он отправится один, то он боялся столкнуться с Лан Цзюнься. И хотя у того вряд ли найдется свободное время для неспешной прогулки, на всякий случай он все же предпочел бы не оставаться одному.

— Куда мы идем?

Глаза Дуань Лина сразу засияли.

— Ешь свою еду. Хватит болтать. Мы поговорим об этом после того, как я найду последний катализатор в этой формуле.

Дуань Лин знал, что У Ду все это время был занят работой над ядом Му Куанды; прошло уже

довольно много времени с тех пор, как он начал пытаться собрать его воедино, но это не значило, что У Ду тянул время — все дело в том, что с формулой, которую дал ему Му Куанда, были проблемы. Она была слишком сильна, чтобы использовать ее в отравлении и не быть обнаруженной.

Когда дело доходило до отравления, у У Ду были свои стандарты. Во-первых, он не станет использовать подпольные виды — например, такие, как снотворное, афродизиаки или мышьяк. Во-вторых, никто не должен догадаться, что это за формула, в противном случае он потеряет репутацию. В-третьих, это не должны быть простые и некачественные яды, которые убивают сразу; они должны изящно отравлять вас, пока вы не испустите дух.

Кто знает, откуда Му Куанда взял эту формулу, но даже Дуань Лин мог сказать, что она слишком очевидна и легко опознаваема. С точки зрения У Ду, это нарушало эстетику. По сути, это ничем не отличалось от того, чтобы взять один из тех больших молотков, которые обычно используют для разрушения стен, и ударить им по затылку. Как мастер ядов мог допустить такое?

— Ты нашел его? — спросил Дуань Лин.

— Нет. Мне нужно просмотреть несколько книг. В «Лекарственных веществах»* упоминаются несколько трав, которые могут помочь, но сейчас я не могу вспомнить, что это за травы.

* Реально существующая книга, энциклопедический сборник по медицине, естественной истории и китайской травологии, составленный и отредактированный Ли Шичжэнем и опубликованный в конце XVI века, во времена династии Мин.

— У меня есть ключ от библиотеки поместья. Если тебе нужна какая-нибудь книга, мы можем поискать ее вместе.

У Ду, казалось, задумался.

Дуань Лин передумал и сказал:

— Хочешь, я сначала схожу и проверю?

У Ду некоторое время молча размышлял, а затем слегка кивнул ему.

И вот после ужина Дуань Лин вошел в поместье через черный ход в переулке; достаточно было сказать, что он направляется внутрь, чтобы поговорить с молодым господином, и привратник больше не пытался его остановить. С легкостью он обошел знакомый сад и попал в библиотеку. Поставив лампу на подоконник, Дуань Лин отправился на поиски книги. На дворе стоял конец весны на пороге лета; с улицы в библиотеку задувал ветерок, и лампа без единого звука погасла.

Дуань Лин уже собирался зажечь ее снова, как вдруг услышал шаги, доносящиеся с нижнего этажа. Кто-то поднимался по лестнице.

Му Куанда тихо произнес:

— Если бы мы попросили Чан Люцзюня поискать ее, он бы не смог ее найти. Он не умеет читать. Держи это при себе, не смейся над ним. Я должен сам пойти и поискать.

В тревоге Дуань Лин застыл на месте. Ему было интересно, зачем Му Куанда пришел в библиотеку посреди ночи. Похоже, за его спиной тоже кто-то был, и это не Чан Люцзюнь.

Свет фонарей постепенно перемещал их тени вверх по лестнице. Стоя в темноте, Дуань Лин видел, как Му Куанда входит в библиотеку в сопровождении ученого. Чтобы обеспечить его безопасность, Чан Люцзюнь всегда находился рядом с ним, но он не поднимался с ними по лестнице, а значит, Дуань Лин не будет обнаружен, пока он скрывается за книжной полкой.

Стоит ли ему прятаться и подслушивать, или лучше...

Дуань Лин принял решение за долю секунды и вышел из-за книжной полки. Он обратился к Му Куанде:

— Приветствую вас, господин.

И Му Куанда, и ученый, казалось, были ошеломлены: они не ожидали, что в библиотеке кто-то есть, и не могли не воскликнуть про себя «это было близко». Как бы то ни было, обе стороны были людьми умными, и поступок Дуань Лина был не чем иным, как отводом подозрений от себя и клятва в верности. Му Куанда был особенно впечатлен: этот молодой человек был действительно необычен.

— Это партнер Цин-эра по учебе, — сказал Му Куанда ученому. Тот кивнул. В глазах Му Куанды читалось одобрение.

У Дуань Лина в руках была книга.

— Я зашел кое-что найти, не хотел вам мешать, господин...

Му Куанда помахал ему рукой. Дуань Лин догадывался, что, возможно, он хотел поговорить наедине с ученым и уже собирался отпустить его, когда Му Куанда сказал ему:

— Подойди сюда.

— Канцлер настолько щедр, что в гавани его желудка, как говорится, можно держать корабли.

Ученый улыбнулся ему.

— Естественно, тебе не о чем беспокоиться.

Му Куанда и Дуань Лин засмеялись, и он повернулся к нему:

— Это господин* Чан Пин, мой помощник, проживающий здесь.

* Китайское 先生 Xiansheng в современном китайском языке переводится как «господин», но это потому, что вместо старого Xiansheng теперь используется 老师 Laoshi для той же цели. Оно ближе всего к японскому «сэнсэй».

Дуань Лин поклонился ученому, поставил лампу на стол и снова зажег ее. Му Куанда вручил ему ключ.

— Из шкафа в самой дальней части библиотеки принеси мне документ, датированный двадцать седьмым числом шестого месяца прошлого года.

Дуань Лин оставил их, чтобы выполнить просьбу. Шкаф был плотно, до отказа набит бумагами. Чан Пин сказал Му Куанде:

— Как только мы начнем переносить столицу, Сычуань неизбежно потеряет большую часть своей власти.

— С тех пор как скончался Чжао Куй, перенос столицы стал неизбежным, — произнес Му Куанда. — Если мы не позаботимся об этом в ближайшее время, боюсь, у нас не будет ресурсов, чтобы сделать это позже.

Дуань Лин нашел документ и сдул с него пыль. Поскольку он знал, что Му Куанда одобряет его и не собирается заставлять его оставаться в стороне, он положил бумагу на стол и налил еще один чайник воды. Прибавив огонь в лампе, он начал нагревать над ней воду.

— Дворянство в Цзянчжоу — запутанная и сложная корневая система, — сказал Чан Пин. — Клань Су, У и Линь занимают Цзяннань, что затрудняет применение новых законов на практике, а Черные доспехи Се Ю обходятся в астрономическую сумму военных расходов. Хоть и говорят, что армию нужно воспитывать тысячу дней, чтобы она в любой момент была готова к чрезвычайным ситуациям, эти цифры военных расходов слишком высоки.

Пока Дуань Лин погрузился в размышления, Му Куанда развернул документ, и Дуань Лин взглянул на него.

— Это меморандум, составленный покойным императором, — сказал ему Му Куанда.

Внизу меморандума был написан один иероглиф «читать» и еще три — «просто переместить». Дуань Лин как никто лучше был знаком с этими иероглифами — это был почерк Ли Цзяньхуна.

В его сердце вспыхнуло множество эмоций, все они переплелись друг с другом в сложный клубок, и Дуань Лин замер; ему хотелось взять меморандум и провести по нему пальцами, но он четко знал, что не должен делать этого перед Му Куандой.

— Покойный император царствовал десять дней. В день своего восшествия на престол он утвердил три указа, прежде чем поспешно удалиться, — сделал глоток чая и с тоской произнес Му Куанда. — Первый — о переносе столицы, второй — о системе распределения сельскохозяйственных земель*, а третий — о снижении налогов.

* Система распределения гунтяньских/фермерских земель. Вкратце, это способ принудить людей без земли заниматься сельским хозяйством для правительства. Беженцы получали землю для ведения хозяйства, но более половины урожая доставалось правительству. Военные часто работали по той же системе, поскольку у солдат много свободного времени, когда нет войны.

— Верно. Три золотых жетона, — сказал Дуань Лин*.

* 金符 можно перевести как «золотые медальоны», но по смыслу это означает вымышленный золотой жетон, часто упоминаемый в старых пьесах/литературе. Золотой жетон представлял императора так же, как тигровый жетон — военных. Если кто-то держал в руках золотой жетон, окружающие должны были относиться к нему так, будто рядом присутствовал император, а его обладатель говорил от его имени. По функциям это как государственный меч.

И Му Куанда, и Чан Пин начали смеяться.

— Я уже давно храню этот меморандум, — сказал Му Куанда. — Это хорошая возможность обсудить детали переезда. Сделай для меня копию.

Дуань Лин кивнул и убрал лист в сторону для копирования. Сначала он внимательно читал его и не мог удержаться от восхищения указом, написанным Му Куандой. Он был ясен и лаконичен, аргументы убедительны до крайности, и от вступления до обоснования и заключения ни слова не было потрачено на лишние высказывания или вычурную, экстравагантную риторику. Сначала излагались факты, как они были, начиная с мельчайших подробностей, а затем они отступали назад, чтобы дать представление о полной картине. Каждая строчка была эффективна и подходила прямо к делу, а в одном предложении часто было скрыто несколько смыслов.

Такое красноречие заставило Дуань Лина чувствовать себя поистине недостойным. Он раньше считал свои сочинения вполне выдающимися, но по сравнению с меморандумом, написанным

Му Куандой, он и вовсе мог показаться неграмотным.

— Чему ты улыбаешься? — Му Куанда заметил выражение лица Дуань Лина.

— Это настолько хорошее сочинение, что я просто не могу себя сдержать, — ответил он.

Чан Пин засмеялся.

— Ты не читал меморандумы канцлера с обвинительными приговорами, которые он писал, уличая кого-то в проступках. Вот уж от чего можно было бока надорвать от смеха.

Му Куанда тоже посмеялся над этим и, покачав головой, начал подробно прорабатывать переезд столицы. Цзянчжоу мог находиться за тысячу ли, но Му Куанда знал его как свои пять пальцев. Держа перед собой лист бумаги, они вдвоем начали оценивать детали того, что нужно сделать после переноса столицы, например, как распределить налоговые обязательства и как вовлечь кланы ученых Цзянчжоу в императорский двор через гражданские экзамены в следующем году.

Дуань Лин, работая в режиме многозадачности, копировал меморандум, одновременно прислушиваясь к разговору. Правильно говорят: один разговор с мудрым человеком лучше десяти лет учебы; то, что Му Куанда занимал свой нынешний пост, — было не чем иным, как небесным мандатом. Экономика, сельское хозяйство, распределение политической власти, вооруженные силы, которые представлял Се Ю, а также автономия провинции Цзянцзо*... Он перечислял все по порядку, для всего находя время, и ни один волосок не был не на нужном месте. Этот переезд не должен был затронуть привилегии крупных местных дворянских кланов и должен был гарантировать, что политический блок, который представляли новый император и наследный принц, будет играть в Цзянчжоу определенную роль.

* Провинция Цзянцзо была архаичным обозначением земель к востоку от реки Янцзы, в данном случае — к востоку от Цзянчжоу.

— Нам нужно будет устроить особые* гражданские экзамены, — сказал Чан Пин. — Чтобы три крупных дворянских клана могли войти в императорский двор.

* Гражданские экзамены обычно проводились по расписанию, раз в три года. Экзамен, который не входил в установленное расписание, был «особым» и обычно обуславливался сбором денег. Допустим, одни из городских ворот нуждаются в ремонте, а в казне не хватает денег, император может объявить специальный экзамен, в котором может принять участие любой, кто пожертвует n-ную сумму денег на ремонт. Обычно такие экзамены легче сдать, так как конкуренции меньше.

— Да. Нужно сделать так, чтобы Цензорат и Министерство доходов склонились на нашу сторону.

Дуань Лин закончил копировать текст меморандума; к этому времени он уже полностью был покорен дальновидным планированием и зрелыми размышлениями Му Куанды. Вскоре Чан Пин отправился за счетами: половина одного равна пяти от десяти, и, используя тысячу таэлей в качестве единицы измерения, он начал подсчитывать налоги Цзянчжоу на месте.

— Запиши пока все это, — сказал Му Куанда Дуань Лину.

Тот отложил меморандум в сторону, чтобы он высох, и на новом листе бумаги записал данные Чан Пина и Му Куанды о сельскохозяйственных угодьях, налоговых обязательствах и сокращении военных расходов. Цифры то и дело обсуждались и перебрасывались, пока даже Дуань Лин не пришел в замешательство, но Му Куанда был совершенно уверен в себе и аккуратно расставлял их все. Постепенно тема их обсуждения изменилась, и они начали говорить о том, как лучше всего урегулировать отношения между тремя основными кланами Цзянчжоу.

— Нам нужно создать брачный союз, — сказал Чан Пин.

Му Куанда утвердительно хмыкнул и произнес:

— Наследный принц уже в подходящем возрасте, но эти три семьи...

Му Куанда медленно покачал головой, подразумевая, что ни одна из них не подходила.

Чан Пин добавил:

— Насколько я понял, Его Величество, похоже, хочет, чтобы наследный принц женился на дочери Су Фа.

— Давай обдумаем это... — раздраженно сказал Му Куанда.

Они проговорили всю ночь, так что он уже немного устал. Потянувшись, он сказал:

— Быть Великим канцлером — сложная работа, знаете ли, — помимо этой муторной бухгалтерии, которую мне приходится вести, я еще должен играть в сваху.

Чан Пин и Дуань Лин засмеялись, а Му Куанда взглянул на ключевые моменты, которые записал Дуань Лин, кивнул и произнес:

— Очень хорошо.

Чан Пин сказал Му Куанде:

— Завтра я отправлюсь в Цзянчжоу, чтобы помочь вам подготовиться заранее.

Му Куанда ответил:

— Не пытайся экономить там, где нужно тратить... и дарить.

Чан Пин, конечно же, согласился, а Му Куанда добавил:

— Я сейчас же пойду и напишу меморандум. На завтрашнем утреннем собрании я возьму их с собой.

Не дожидаясь указаний, Дуань Лин взял фонарь и шел впереди них, освещая путь, пока Му Куанда и Чан Пин выходили из библиотеки. Чан Люцзюнь ждал снаружи, но, когда он вдруг увидел еще одного человека, его глаза загорелись тревогой. Му Куанда взмахнул рукой, давая понять, что все в порядке, но когда он медленно вышел из комнаты, то увидел, что во дворе его ждал У Ду.

Му Куанда сразу же понял, что тот пришел за Дуань Лином, и сказал ему:

— Судьба привела ко мне твоего маленького друга сегодня вечером, поэтому я задержал его дольше, чем ожидалось.

У Ду кивнул.

— Разумеется, вы вольны поручать ему все, что пожелаете, канцлер.

— Ну что ж, раз ты так говоришь, — добавил Му Куанда, — тогда я хотел бы попросить тебя подождать еще час. Если ты не спешишь ложиться спать, пойдём со мной.

С того дня, как он стал членом поместья канцлера, У Ду никогда не получал подобного обращения посреди ночи, и поскольку сначала он просто подумал, что Му Куанда хотел расспросить его о яде, он решил последовать за ними. И вот они пошли к кабинету через галереи: Дуань Лин — впереди, Му Куанда и Чан Пин, болтающие о всяких пустяках, позади, а У Ду и Чан Люцзюнь — в конце.

На полпути к кабинету Чан Пин сжал одну руку в кулак и поклонился.

— Тогда я ухожу.

Му Куанда кивнул ему и сжал руку в кулак.

— Приятного путешествия, господин.

— Благодарю вас, господин канцлер.

Улыбаясь, Чан Пин удалился.

Дуань Лин остался освещать фонарем путь, а Му Куанда, похоже, погрузился в свои мысли. Дуань Лин постепенно осознал, что в чем-то Му Куанда и Му Цин действительно были похожи друг на друга. Му Цин и его отец ценили талантливых людей и относились к ученым с почтением, оба были простыми и открытыми людьми. Неудивительно, что такие ученые, как Чан Пин, стремились посвятить себя ему, готовы скорее стать прислугой в поместье канцлера, чем занять должность чиновника в правительстве.

Дуань Лин зашел в кабинет, за ним — Му Куанда, а Чан Люцзюнь добросовестно встал по ту сторону двери. У Ду собирался войти внутрь, но тот преградил ему путь, давая понять, что он здесь не нужен.

У Му Куанды было полно прислужников, поэтому в любой обычный день, если ему хотелось написать меморандум, кто-нибудь обязательно приходил и подготавливал письменные принадлежности. Но, во-первых, было уже слишком поздно, и он не хотел будить слугу, который работал исключительно в кабинете, а Дуань Лин уже так давно слушал, что не было никакого вреда в том, чтобы позволить ему помочь. Дуань Лин тоже понял намерения Му Куанды: быть в курсе вечернего разговора — его награда.

Му Куанда предпринял эти действия именно для того, чтобы выразить Дуань Лину свою признательность — благодарность за его поведение в библиотеке. Он был тактичным человеком и больше всего ценил тех, кто был тактичен: тех, кто знал, что сказать и что сделать, не задавая лишних вопросов и не говоря ничего лишнего.

Дуань Лин приготовил кисть и тушь и развернул сбоку лист бумаги, чтобы делать важные заметки. Му Куанда откинулся в кресле и указал на медный таз, стоящий рядом с ними; поняв, что он имел в виду, Дуань Лин взял горячее полотенце и положил его на глаза Му Куанды.

Тот некоторое время размышлял, явно делая мысленный набросок, и вскоре взял в руки кисть, чтобы начать писать меморандум.

Дуань Лин на мгновение задумался, не выйти ли ему из комнаты, чтобы не мешать Му Куанде, но раз уж он ничего не сказал, то, наверное, не было никакого вреда в том, чтобы он остался здесь.

Кисти Му Куанды были полны силы, а каллиграфический стиль, который он использовал, был простым письмом*. Взяв за основу урожай этой осени, его кисть прикоснулась к бумаге и не останавливалась до самого конца. Здесь не было ни витиеватой напыщенности, ни смешения эмоций, ни намерения принудить, и как только он закончил говорить о Сычуани, он перешел к

Цзянчжоу; все, начиная от сметы переезда и заканчивая тем, почему они должны переехать осенью и зимой, было разобрано и четко объяснено. Так Дуань Лин стал свидетелем важнейшего события в судьбе Великой Чэнь, начиная с его предварительного обсуждения и заканчивая его реализацией.

* Простое письмо, или яньчи, было стилем Янь Чжэньцина, ведущего каллиграфа, поэта и чиновника империи Тан. Согласно В. Г. Белозёровой, до сегодняшнего дня изучение китайской каллиграфии начинается со стиля Янь Чжэньцина.

Не успели они оглянуться, как наступил час за полночь. Му Куанда отложил кисть, а Дуань Лин разложил меморандум на одной стороне, понимая, что написанное на нем решит судьбу миллионов жителей Великой Чэнь на ближайшие несколько десятилетий.

— Ступай домой и поспи, — сказал Му Куанда Дуань Лину. — Присмотри за молодым господином, ему пора перестать вести себя подобно ребенку.

Дуань Лин в ответ сказал: «непременно», и ушел. Он знал, что через два часа Му Куанде нужно будет идти на утреннее собрание, и если он хорошо использует это время, то успеет немного вздремнуть.

Снаружи У Ду и Чан Люцзюнь молча охраняли дверь, и У Ду ушел и забрал с собой Дуань Лина только тогда, когда увидел, что тот покинул комнату. Дуань Лин все еще перебирал в голове фразы Му Куанды, беззвучно читая их про себя, и чем больше он это делал, тем сильнее его охватывало чувство восхищения. На пути к учености ему предстояло пройти очень долгий путь.

— Тебя поймали за подслушиванием? — спросил У Ду.

Дуань Лин объяснил, что произошло, и У Ду кивнул, закончив слушать. Дуань Лин добавил:

— Они говорили о переносе столицы...

Но У Ду жестом показал, что ему не следует говорить больше.

— Канцлер благоволит к тебе. Это твоя удача, и это также означает, что ты хорошо с ним ладишь. Это не те вещи, которые можно рассказывать другим людям.

— Но ты же не другие люди, — не задумываясь, ответил Дуань Лин.

У Ду ничего не сказал, но Дуань Лину показалось, что он уловил легкий изгиб уголка его рта, как будто он улыбнулся. Он с любопытством посмотрел на него, и тут же У Ду снова напустил на себя суровый вид.

К тому времени, как они вернулись в дом, Дуань Лин уже так устал, что едва держал глаза открытыми, и заснул сразу же, как только прилег в углу. У Ду накинул на него одеяло и начал читать одолженные Дуань Лином «Лекарственные вещества».

Поскольку следующий день все равно выходной, Дуань Лин провел весь день во сне. В полдень У Ду слегка попинал его, пытаясь разбудить к обеду, но тот просто перевернулся и продолжил спать, и У Ду не стал пытаться заставить его встать снова. Только когда солнце уже село, Дуань Лин сполз со своего места с сонными глазами и доел еду. Сидя во дворе, он заметил, что У Ду переоделся в новую одежду.

— Тебе нужно куда-то выйти? — Дуань Лин сидел у перил колодца и стирал нижнее белье У Ду. Он только хмыкнул в ответ, глядя на себя то в одну, то в другую сторону в зеркало.

С момента появления Дуань Лина У Ду всегда носил халат из грубой ткани и ни разу не потрудился нарядиться. Дуань Лин не мог не вспомнить своего отца, когда тот еще был рядом: красивый, пышущий силой человек обладает аурой, позволяющей ему выглядеть хорошо, независимо от того, во что он одет. И наоборот, тот, кто отличается вульгарностью, выглядит пошло, во что бы он ни наряжался.

Но сегодня У Ду был одет в темно-синий расшитый халат, и где бы он его ни хранил, от него исходил запах сырости. Вероятно, он давно его не надевал.

— Выглядит довольно неплохо, — Дуань Лин смотрел на зеркальное отражение У Ду.

Тот ничего не сказал, а вскоре снова снял халат. Дуань Лин спросил:

— Что случилось?

— Забудь об этом, — сказал У Ду, — это бессмысленно.

Дуань Лин вопросительно посмотрел на него.

— Канцлер прислал тебе новую одежду. Иди и примерь.

Дуань Лин побежал рыться в подарках, присланных в дом в полдень, и заметил новый халат светло-голубого цвета. У Ду сказал:

— Надень его. Иди и приведи себя в порядок. Позже я возьму тебя на прогулку.

Одевшись, Дуань Лин посмотрел на свое отражение в зеркале и вспомнил новый костюм, в который он нарядился, когда ходил с отцом в «Калину». Эту одежду он примерял только один раз и больше никогда, чтобы Елюй Даши не вычислил его. Но молодому человеку свойственно

желание хорошо одеваться.

Надев костюм, он долго глядел на себя в зеркало. И только когда его глаза подсознательно стали искать нефритовую дугу там, где она раньше висела, он вспомнил, что процветающего царства больше нет, а величественная империя тоже сменила хозяина, и его охватило чувство потери.

— Забудь об этом.

Дуань Лин тоже снял свой новый халат.

У Ду обернулся и посмотрел на него так, словно не знал, смеяться ему или плакать.

— Чего ты впал в уныние из-за пустяка? Надевай, надевай, не позорь меня, когда мы потом пойдем.

— Куда мы идем?

— На ужин. Повидаться со старым другом.

Дуань Лин никогда ранее не слышал, что у У Ду были друзья в Сычуани, но на его лице мелькнуло недовольство, что заставило Дуань Лина тактично отказаться от продолжения темы.

— Пойдем.

Дуань Лин развесил белье. Наконец-то он мог открыто выйти на прогулку, к тому же в Сычуани сейчас был вечер, так что, скорее всего, он ни с кем не столкнется.

Иногда ему даже казалось, что он слишком переигрывал, словно испуганная птица, вскакивающая от каждого звука. Лан Цзюнься жил во дворце с наследным принцем, и не говоря уже о том, что он считал Дуань Лина мертвым — если Дуань Лин будет делать каждый шаг осторожно, проблем не возникнет.

<http://bllate.org/book/15657/1400646>